

А. ШЕВЕЛЕВЪ.

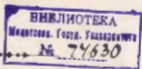
792

ЦЕРКОВЬ И ЗРѢЛИЩА.

Взглядъ на отношенія св. православной Церкви къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ.

Изданіе въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

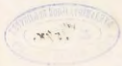

МОСКВА,
Типографія Э. Лиссиера и Ю. Рюкина,
Моздокская, Крестовоздвижен. стр. 2. Лиссиера.
1892.

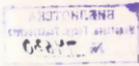
2
Ш 571

Э 372.24-351-021
УДК 281.93

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЗАЯВЛЕНИЕ

От Московского Художно-Церковного Комитета печатать дозволяется.
Москва, 27-го февраля 1892 года.
Цензор, священник *Иоанн Петропавловский*.

ОТЪ АВТОРА.

Предлагая благосклонному вниманию читателей настоящую брошюру, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ въ видѣ предисловія.

Въ прошломъ 1891 году, глубоко возмущенный назначеніемъ спектаклей во всѣхъ московскихъ театрахъ наканунѣ 1-го октября, т.-е. наканунѣ дня празднованія Покрова Пресвятыя Богородицы, я обратилъ съ письмомъ къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей“.

Это письмо¹⁾ мое и было напечатано въ № 220 этой столь отъличной на всѣ религіозные вопросы газетѣ.

Письмо это обратило на себя вниманіе нѣкоторыхъ моихъ друзей и знакомыхъ, которые и благодарили меня за то, что я рѣшилъ заявить печатно о такомъ вопиющемъ нарушеніи святости и величія праздника, какъ театральныя зрѣлища и вообще увеселенія въ тѣ дни и часы, когда Церковь призываетъ всѣхъ вѣбрующихся въ храмы для достойной встрѣчи праздника.

Заинтересованный этимъ вопросомъ, какъ и вообще отношеніемъ св. православной Церкви ко всякаго рода зрѣлищамъ и увеселеніямъ, я сталъ повсѣмному знакомиться съ литературой этого предмета.

Затѣмъ я еще два раза обращался съ письмами къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей“ все по вопросу о предпріимчивыхъ спектакляхъ.

Оба эти письма были также напечатаны, за что и привожу я здѣсь искреннюю благодарность почтенному издателю „Московскихъ Вѣдомостей“.

¹⁾ Означенное письмо къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей“, а равно и два другія по тому же вопросу, я съелъ не лишнимъ приложить въ концѣ этой брошюры.

Прим. автора.

Мало-по-малу у меня созрѣла мысль написать болѣе обширную статью объ отношеніяхъ святой православной Церкви къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ.

Чувствуя свои слабыя силы, не считая себя состоятельнымъ въ дѣлѣ рѣшенія такого важнаго вопроса, я задался цѣлью собрать авторитетныя мнѣнія и сужденія по этому предмету какъ учителей и отцовъ Церкви въ древнія времена, въ первые вѣка христіанства, такъ и современныхъ представителей духовенства, а также церковныя постановленія и законы о зрѣлищахъ.

Я зналъ, что мнѣ предстоитъ нелегкая задача.

При отсутствіи подробныхъ библиографическихъ указателей по духовной литературѣ мнѣ пришлось самому просматривать за цѣлымъ десятилѣтіемъ наши духовные журналы и пользоваться для этого услугами трехъ публичныхъ московскихъ библиотекъ: Румянцевской, Исторической и Епархіальной, отыскивая въ одной изъ нихъ №№ журнала, не оказавшіеся въ другихъ.

Нѣкоторыхъ книгъ, которыя были бы мнѣ очень полезны, не нашлось ни въ одной публичной библиотекѣ въ Москвѣ¹⁾. Приходилось довольствоваться поэтому тѣмъ, что есть подъ рукою, и въ скоромъ времени у меня накопился масса карточекъ съ выписками.

Не желая откладывать предпринятаго мною дѣла въ долгій ящикъ, а рѣшилъ теперь же напечатать эту брошюру, проси, въ виду всего изложеннаго, а также въ виду благотворительной цѣли изданія, снисхожденія къ ея недостаткамъ.

Всякія указанія на новые матеріалы, поправки и замѣтки будутъ приняты мною съ горячей благодарностью.

До сихъ поръ только духовные журналы отрывали свои страницы статьямъ по вопросу объ отношеніяхъ Церкви къ свѣтскимъ забавамъ и увеселеніямъ.

Какъ всегда и вездѣ, наше духовенство оказалось и здѣсь на высотѣ задачи и неуклонно боролось противъ этого страш-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, я не нашелъ книги *Николаева: Систематическій параллельный указатель статей, помѣщенныхъ во всѣхъ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ съ перваго года ихъ изданія*. Воронежъ 1871.

наго зла настоящаго времени — излишняго пристрастія современнаго человѣка къ зрѣлищамъ.

„Свѣтское“ общество духовныхъ журналовъ, за рѣдкими исключеніями, вообще не читаетъ, черная свою духовную нищу преимущественно изъ органовъ такъ называемаго „либеральнаго“ направленія, гдѣ, конечно, не мѣсто вопросамъ религіозно-правственнымъ. Только въ самое послѣднее время замѣчается въ обществѣ отрадное явленіе — возрастаніе интереса къ вопросамъ вѣры и религіи.

Искреннее ли это чувство, можно ли считать это началомъ нашего возрожденія къ новой строго-православной жизни, или это мимолетное увлеченіе, скоропреходящая мода, покажетъ близкое будущее.

Пока же это явленіе существуетъ, и мнѣ кажется, что именно теперь время воспользоваться имъ и выдвинуть въ жизнь вопросъ объ отношеніи Церкви къ театральнымъ зрѣлищамъ и установить дѣло на такихъ основаніяхъ, чтобы интересы Церкви и театра не приходили въ столкновеніе, какъ это бываетъ теперь на каждомъ шагѣ.

I.

Цѣль человѣческаго существованія на землѣ состоитъ въ стремленіи къ достиженію полнаго нравственнаго совершенства. *„Будите убо вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“* (Ев. отъ Матвея, 6. 48), сказалъ Сынъ Божій Иисусъ Христосъ своимъ ученикамъ, а тѣ передали божественный завѣтъ Учителя всему міру.

Вотъ задача, вотъ цѣль нашего существованія на землѣ, и только этотъ завѣтъ Христа, только эта высокая цѣль и могутъ скрасить нашу земную жизнь, дать смыслъ всѣмъ нашимъ дѣламъ и поступкамъ.

И этотъ высокій идеаль достигимъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.

Неужели Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Всевѣдающій, Всезнающій и вмѣстѣ съ тѣмъ Всеблагій и Всевосплащающій, предложилъ бы своимъ послѣдователямъ стремиться къ тому, чего нельзя достигнуть? Нѣтъ, конечно, нѣтъ!

И это высокое идеальное совершенство въ большей или меньшей степени достигалось и достигается пока только отдѣльными „избранными“; со временемъ будетъ достигнуто, надѣмся и вѣруемъ, всѣми людьми, всѣми вѣрующими во Христа Распятаго.

Когда настанетъ это блаженное время, когда *будетъ едино стадо и одинъ пастырь* и что надлежитъ перенести до того времени человѣческимъ обществамъ — не дано знать людямъ; но все мы должны постоянно бодрствовать и постоянно заботиться, каждый въ отдѣльности, о достиженіи возможнаго нравственнаго совершенства.

Много условій для этого требуется, и первое, конечно, принадлежность къ православной католической Церкви, въ которой въ одной живеть во всей полнотѣ истинная вѣра, въ которой, незанятваніемъ никакими житейскими помыслами или мудрваніями разума, хранится тотъ идеаль, на который указалъ намъ Спаситель.

Но не на словах только надо быть вѣрнымъ сыномъ святой православной Церкви, но и на дѣлѣ, и всю жизнь свою распределить такъ, какъ того требуютъ уставы и обычаи Церкви, что не должно быть особенно труднымъ для насъ русскихъ въ странѣ, гдѣ эти обычаи и уставы въ то же время и чисто народные, русскіе, по которымъ долгое время жила весь нашъ народъ, а теперь живетъ большая и лучшая, прибавимъ, часть его.

Не къ этой послѣдней части русскаго народа будетъ рѣчь наша: не намъ учить народъ нашъ, живущій по-божески, со страхомъ Божиимъ въ сердцѣ, а намъ у него учиться, намъ, которые такъ часто гордимся нашей образованностью, нашимъ прогрессомъ, и въ то же время шапки на улицѣ не снимаемъ передъ храмомъ Божиимъ, не осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ при встрѣчѣ со св. иконой, намъ, не имѣющимъ въ душѣ спасительнаго страха Божія.

Прогрессъ, отдаляющій человека отъ христіанскаго общенія съ Церковью, не есть прогрессъ — это есть возвращеніе къ первобытнымъ временамъ человечества, когда люди обоготворяли матерію, когда дубы, камни, рѣки, свѣтила небесныя были у нихъ богами.

Наука и искусства несомнѣнно необходимы: много отрады и чистаго удовольствія онѣ доставляютъ людямъ, но только въ томъ случаѣ, если онѣ идутъ рука объ руку съ ученіемъ Церкви, съ горячей вѣрой въ человека, если и наука и искусство проникнуты свѣтомъ христіанскаго ученія, если каждый шагъ впередъ въ ихъ области совершается съ призываніемъ благословенія Божія и во славу Его.

Въ Евангеліи есть чудный рассказъ о томъ, какъ Иисусъ Христосъ вошелъ въ домъ Лазаря и какъ Его встрѣтили двѣ сестры: Марфа и Марія.

Марфа старалась достойнымъ образомъ принять Учителя и, уставши отъ чрезынѣрныхъ хозяйственныхъ хлопотъ, укорила Марію, которая слушала словеса Христовы.

Но Христосъ остановилъ ее и сказалъ: *„Марфа, Марфа, печешься и мозиши о мнози: едино же есть на потребу. Марія же благу часть избра, же не отнимется отъ нея“* (Ев. отъ Луки, 10. 41, 42).

Невольно вспоминаешь все человечество при чтеніи этого евангельскаго рассказа, все вѣрующее человечество. Оно

раздѣляется на двѣ части: одна большую часть времени удѣляетъ нуждамъ міра сего, заботамъ о матеріальномъ благѣ, дѣлаетъ блестящія открытія въ области наукъ, создаетъ чудныя произведенія искусствъ; другая часть всецѣло посвящаетъ себя сауженію Богу, уходитъ въ монастыри, въ пустыню, внимаетъ постоянно словамъ Христа и учителей Его Церкви.

Христосъ не осудилъ и Марю: Онъ поставилъ только на видѣ, что Марія избрала лучшую часть. Такъ точно и Церковь Христова не осуждаетъ вѣрующіихъ, которые посвящаютъ свое время и свои силы мірскимъ заботамъ. Она говоритъ имъ только: вы могли бы избрать лучшую часть; но не говорить: вы поступаете худо!

Но современному человѣчеству, посвящающему все свое время труду для обезпеченія себѣ матеріальнаго благосостоянія, не хочется даже досуги свои, время отдыха, посвятить Церкви, внимать хоть въ это время ея спасительному гласу; нѣтъ, ему нужны развлечения, ему нужны увеселенія и зрѣлища. А тѣ, кому совсѣмъ не надо трудиться, кто уже имѣетъ обезпеченнымъ все необходимое и даже большее, тѣ вѣчно хотятъ забавляться, вѣчно жаждутъ увеселеній и разнаго рода зрѣлищъ.

Если святая Церковь разрѣшаетъ человѣку трудъ, необходимый для существованія на землѣ со времени проклятія Божія Адаму и сѣмени его, и занятія наукой, разъ послѣдняя основывается на ученіи Церкви, то не такъ относится она къ этой жадѣ увеселеній.

Вотъ что говорить объ этомъ знаменитый митрополитъ Московскій Филаретъ: „Міръ представляеть себѣ забавы почти такою же потребностью жизни, какъ трудъ, пища и покой. Онъ думаетъ жить, играя. Нѣтъ, братія, жизнь не игра, но дѣло важное. Земля жизнь дана человѣку для того, чтобы изъ нея рукой свободной воли, силою Божіей благодати выработать вѣчное блаженство. Кто поназъ сіе дѣло и занялся имъ, какъ должно, тотъ едва ли найдетъ много времени для игры и забавъ“).

Эти слова великаго пастыря земли русской не мѣшало бы почаще вспоминать многимъ и многимъ изъ современныхъ

*) Смотри „Государственное ученіе Филарета, митрополита Московскаго“. Изд. третье. 1888. Стр. 78.

представителей нашего образованнаго общества, что, кажется, поставили себѣ цѣлью жизни забавы вообще и театральныя въ частности.

Да! Жизнь дѣло серьезное; она коротка: проходить скоро, а сдѣлать надо многое; много надо побороть страстей, искушеній, сомнѣній. Гдѣ ужъ тутъ думать о забавахъ, о развлеченияхъ.

Но страсть къ забавамъ, къ зрѣлищамъ въ особенности, присуща человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія и, подавленная въ первое идеальное время христіанства, она проявилась впоследствии снова и не замедлила обратить на себя вниманіе учителей Церкви, которые видѣли въ этой страсти зло, съ которымъ надо бороться.

Зрѣлища были очень распространены и любимы въ Римской имперіи, и чѣмъ ближе къ упадку былъ Римъ, чѣмъ больше и больше развратъ проникалъ во всѣ слои его общества, тѣмъ страсть къ зрѣлищамъ дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе. Древній Римъ не зналъ зрѣлищъ. Страсть къ нимъ перешла отъ грековъ, у которыхъ они тоже развились преимущественно въ послѣдній періодъ, — періодъ упадка. Изъ стараго Рима пристрастіе къ зрѣлищамъ перешло въ новый Римъ за исключеніемъ гладиаторскихъ боевъ и сраженія людей съ дикими животными: родъ увеселеній, особенно любимый римлянами, который уничтожился на время, чтобы затѣмъ воскреснуть снова въ ультра-католической Испаніи въ видѣ „боа быковъ“.

Любимыми зрѣлищами въ православной Византіи были тѣ же, что и въ наше время, именно театральныя представленія и конскія ристалища.

То и другое собирать и у насъ несмѣтныя толпы народа, какъ собирало въ Византіи.

Церковь устами своихъ проповѣдниковъ не одобряла этихъ зрѣлищъ и горячо ратовала противъ посѣщенія ихъ христіанами.

Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Кипріанъ Карфагенскій, Кириллъ Іерусалимскій, Лактанцій, Тертуліанъ оставили намъ горячія обличенія этого чрезмернаго, недостойнаго христіанъ, увлеченія зрѣлищами.

Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя возраженія ихъ противъ зрѣлищъ, чтобы видѣть и понять, какъ и почему отцы Церкви возставали противъ зрѣлищъ, что считали они въ нихъ предосудительнымъ и недостойнымъ христіанина.

Кириль Кароагенскій, причтенный Церковию къ лику Святыхъ, въ своей книгѣ „О зрѣлищахъ“ прямо объявляетъ: „говорю, непозволительно върнмъ христіанамъ, совершенно непозволительно, ни присутствовать на зрѣлищахъ, ни быть вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ Греція для увеселенія слуха посылаетъ всюду, выучивъ ихъ разнымъ пустымъ искусствамъ“¹⁾.

Св. Василій Великій называетъ театръ *училищемъ распутства* и сильно возмущается тѣмъ, что „естъ города, въ которыхъ жители съ ранняго утра до самаго вечера насыщаютъ взоры всякаго рода представленіями кудесниковъ, и, сколько ни слушаютъ какихъ-нибудь нескромныхъ и неблагочинныхъ пѣсней, отъ которыхъ въ душахъ зарождается много безстыдства, однакоже не могутъ ихъ послушаться. Даже многіе почитаютъ такихъ людей счастливыми, потому что они, оставивъ торговлю или занятія ремеслами, необходимыя въ жизни, въ праздности и забавахъ проводятъ опредѣленное имъ время жизни, не зная, что позорище, обильное нескромными зрѣлищами, для присутствующихъ на немъ служитъ училищемъ и народнымъ училищемъ распутства и что самыя стройныя звуки свирѣли и блудническія пѣсни, запечатлѣвшись въ душахъ слушателей, ни къ чему иному не побуждаютъ всѣхъ, какъ только къ безчинству“²⁾.

Прочитавъ это, иной подумаетъ: да, такъ можно было говорить о *мнѣхъ* зрѣлищахъ, но неужели же эти слова можно прибить къ нашимъ современнымъ увеселеніямъ?

Не ко всѣмъ, но къ некоторымъ, безъ сомнѣнія, да!

Развѣ наша „безстыжая“ оперетка, развѣ всѣ эти увеселительныя заведенія, всѣ эти Шато-де-Флеры, Фоли-бержеры, Альказары, Ренессансы etc., etc., — развѣ все это не тѣ же „училища распутства“, противъ которыхъ направлялъ свои слова св. Василій Великій.

Мы склонны думать, что да; и въ некоторыхъ случаяхъ это даже и не училища только, а цѣлыя *академіи* распутства!

А наши скачки съ ихъ тотализаторомъ, развѣ не есть это могущественное орудіе деморализаціи общества? У насъ въ Москвѣ уже происходили скандалы и побойща на Ходынскомъ

¹⁾ Душополемное чтеніе. 1878. № 2. Ст. А. Лебедева: „О зрѣлищахъ“. Стр. 181.

²⁾ *Ibidem*, стр. 189.

нозъ, но это только дѣточки, и если не отнимуть у скачекъ навязаннаго имъ характера общественныхъ зрѣлищъ, то, можетъ быть, мы дождемся и настоящаго сраженія между „голубыми“ и „зелеными“.

Чѣмъ же мотивировали отцы Церкви свое осужденіе разнаго рода зрѣлищъ? Что выставили они христіанамъ, когда убѣждали ихъ держаться дальше отъ этихъ пагубныхъ развлеченій, излюбленныхъ язычниками?

Прежде всего выставилось пми на видъ самое языческое происхожденіе театральныхъ зрѣлищъ и конныхъ ристалищъ.

Дѣйствительно, преданіе говорить, что театральныя представленія возникли изъ игрищъ и празднествъ, устраивавшихся въ честь того или другого божества при торжественныхъ всенародныхъ жертвоприношеніяхъ.

„Какое зрѣлище безъ идола? Какое игрище безъ жертвоприношенія? Какое состязаніе не посвящено какому-либо изъ умершихъ?“ говорить св. Кипріанъ Карфагенскій. „Идолослуженіе есть мать всѣхъ игрищъ. Такимъ образомъ хитрецъ діаволь, зная, что идолослуженіе само по себѣ отвратительно, соединилъ его со зрѣлищемъ, чтобы заставить полюбить оное ради наслажденія“.

То же самое говоритъ Тертуліанъ: „Сами демоны, предвидя съ самаго начала, что удовольствіе отъ зрѣлищъ послужитъ дѣятельнѣйшимъ средствомъ къ введенію идолопоклонства, внушили людямъ склонность къ изобрѣтенію театральныхъ представленій“¹⁾.

„Театръ“, говоритъ Тертуліанъ, „есть собственно храмъ Венеринъ. Подъ видомъ воздаянія чести богинѣ, богомерзкое мѣсто сіе обоготворено въ мірѣ. Въ старину, когда воздвигали какой-либо новый театръ, неудостоенный торжественнаго посвященія, то цензоръ часто повелѣвалъ его разрушать во избѣжаніе порчи нравовъ, неминуемо происходящей отъ соблазнительныхъ на немъ представленій.“

„Тутъ нельзя не замѣтить мимоходомъ, какъ язычники сами себя осуждаютъ собственными приговорами и какъ они оправдываютъ насъ, обращая вниманіе на соблюденіе благочестія.“

¹⁾ См. Творенія Тертуліана, христіанскаго писателя въ концѣ второго и въ началѣ третьяго вѣка. Переводъ Е. Карпова. Спб. 1847. Часть II стр. 138.

„Какъ бы то ни было, по великій Помпей, коего величіе не поравнялось только съ величіемъ его театра, ринувшись воздвигнуть великолѣпное зданіе для позорныхъ всякаго рода мерзостей, и опасаясь справедливыхъ упрековъ, которые памятникъ сей могъ навлечь на память его, превратилъ сей театръ въ священныи домъ. Такимъ образомъ онъ отнялъ у этого зданія званіе театра и далъ ему имя храма Венерина, „въ которомъ, сказалъ онъ, прибавили мы нѣкоторыя помѣщенія для зрѣлищъ“¹⁾.

Но не одной Венерѣ посвящены были театры, какъ о томъ говоритъ Тертуліанъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Театръ посвященъ не только богинѣ любви, но и богу вина.

„Оба сія богомерзкія божества предѣляютъ какъ надъ дѣйствіями театра, такъ и надъ самими театромъ, наблюдая и за гнусностью жестовъ и за другими развратными тѣлодвиженіями, чѣмъ наиболее отличаются актеры въ комедіи. Сія послѣдніе, въ жалкомъ своемъ ремеслѣ, вмѣняютъ себя какъ бы въ славу жертвовать своею совѣстью Венерѣ и Бахусу, представляя или ужасное распутство или самое грубое сладострастіе. Что касается до стиховъ, музыки, флейтъ, скрипокъ (sic), то все сіе отзывается всегда Аполлонами, Музами, Минервами и Меркуріями.

„Ученики Христовы! — заканчиваетъ Тертуліанъ это перечисленіе божествъ, коимъ посвящены театральныя зрѣлища — ученики Христовы! Неужели вы не возмущаетесь предметами, коихъ изобрѣтатели должны показаться вамъ столь достойными омерзения“²⁾.

Изъ этихъ обвиненій прямо вытекаетъ и другое, на которое намеки заключаются уже и въ вышеприведенныхъ словахъ.

Обвиненіе это самое важное, такъ какъ оно наиболее prominently и къ нашему времени.

Обвиненіе это — въ порчѣ нравовъ, въ томъ, что театральныя зрѣлища способствуютъ возбужденію и развитію въ человѣкѣ нечестныхъ и грѣховныхъ страстей.

„Гдѣ удовольствія, тамъ и страсть“, говоритъ Тертуліанъ, безъ чего всякое удовольствіе неприятно; а гдѣ страсть, тамъ и соревнованіе, безъ котораго всякая страсть неприятия. Сорев-

¹⁾ Ibidem, стр. 137.

²⁾ Ibidem, стр. 137—138.

нованіе же приноситъ съ собою споры, ссоры, гнѣвъ, бѣшенство, огорченіе и всѣ другія подобныя страсти, ничего общаго не имѣющія съ обязанностями вашей религіи. Положимъ, что кто-либо могъ бы присутствовать на зрѣлищѣ, соблюдая степеньность и скромность, приличныя его званію, лѣтамъ или счастливому характеру, но и тутъ весьма трудно души пребыть покойною и не почувствовать смятенія или тайнаго какого-либо волненія. Нельзя быть при сихъ увеселеніяхъ, не имѣя какой-либо въ себѣ страсти, и нельзя имѣть страсти сей, не почувствовать производимаго ею на душу дѣйствія¹⁾.

А посѣщая театральныя зрѣлища того времени, трудно было оставаться спокойнымъ и равнодушнымъ, не поддаваться дѣйствию страсти, сохранить цѣломудріе.

„Легко ли держаться правилъ цѣломудрія и стыдливости тамъ, гдѣ глаза устремлены на позорныя тѣлодвиженія комедіанта? Можно ли гдѣ встрѣтить болѣе соблазна, какъ на зрѣлищахъ, въ блестящихъ и чрезвычайныхъ украшеніяхъ и въ толпѣ сидящихъ въ смѣшеніи мужчинъ и женщинъ. Смѣшеніе чудовищное, подающее тѣмъ и другимъ поводъ къ взаимнымъ разговорамъ, воспламеняющимъ искры плотской похоти! Прибавьте къ сему, что первая мысль при входѣ въ какое-либо зрѣлище, состоитъ въ томъ, чтобы видѣть другихъ и себя позавзять. Впрочемъ при ужасныхъ восклицаніяхъ аятера, удобно ли внимать спасительнымъ увѣщаніямъ пророка? Удобно ли соединять цѣніе псалмовъ съ женоподобными пѣснями оперы (sic)²⁾).

Театры, по мнѣнію вышеназванныхъ учителей и писателей Церкви, должны быть окончательно закрыты для христіанъ; они не должны посѣщать мѣста зрѣлищъ, не должны „переходать изъ церкви Божіей въ храмъ діавола, изъ священнаго мѣста въ мѣсто злочестивое, изъ сіянія небесъ въ тину земную³⁾).

Всякаго рода зрѣлища, какъ театральныя, такъ и конныя ристалища и состязанія атлетовъ и гимнастовъ, — неприличны для истиннаго христіанина.

Св. Іоаннъ Златоустъ посѣщеніе христіанами театральныхъ зрѣлищъ считаетъ достаточной причиною для отлученія виновныхъ въ этомъ отъ церкви.

¹⁾ Ibidem, стр. 143.

²⁾ Ibidem, стр. 154—155.

³⁾ Ibidem, стр. 155.

Въ его словѣ „О зрѣлищахъ“ мы читаемъ:

„Многіе изъ тѣхъ, которые недавно оставили насъ и ушли на зрѣлища беззаконія, сегодня находятся здѣсь (въ церкви). И хотѣлъ бы я знать ихъ вѣрно, дабы изгнать изъ священнаго притвора, не съ тѣмъ, чтобы они навсегда оставались внѣ его, но чтобы исправились, и потомъ вошли сюда снова“¹⁾.

Этотъ великій учитель Церкви называетъ *посыидными* дѣла, представляемыя на зрѣлищахъ. „Все тамъ — смѣхъ, все — стыдъ; тамъ ругательство, насмѣшки; все — развратъ, все — пагуба“²⁾.

По мнѣнію Тертуліана даже игры атлетовъ не должны привлекать къ себѣ зрителей христіанъ.

„Благоговѣя къ религіи, ты не станешь, — говорилъ онъ, — одобрить безумнаго бѣга и бѣшеныхъ схватокъ, сопровождающихъ игру въ дискъ, равно какъ и другихъ тѣлодвиженій, одно другого сумасброднѣйшихъ“³⁾.

По мнѣнію этого же писателя, воздержаніе отъ участія въ театральныхъ зрѣлищахъ должно быть такъ же, если не болѣе, обязательнымъ для христіанъ, какъ воздержаніе въ пищѣ и питій, какъ соблюденіе извѣстныхъ постовъ, какъ отреченіе отъ всякой нечистоты. „Театры, говоритъ онъ, это пригоны безстыдства, гдѣ ничему иному нельзя научиться какъ только тому, что повсемѣстно не одобряется. Величайшая прелесть театра состоитъ обыкновенно въ представленіи всякаго рода позоровъ. Позоры сіи выводятъ на сцену или тосканецъ похабными своими тѣлодвиженіями, или комедіантъ, переодѣтый въ женскую одежду, своими пантомимами, посредствомъ гнусныхъ неистойностей, къ которымъ приучилъ онъ тѣло свое съ самаго дѣтства, дабы подавать другимъ примѣръ безчестія“⁴⁾.

Христіане должны быть осторожны и осмотрительны въ своихъ словахъ, помня, что „за всякое слово праздное, еже рекуть человецы“ (Ев. отъ Матвея, 12, 36), они дадутъ отвѣтъ на страшномъ судѣ.

Тертуліанъ, предостерегая своихъ слушателей отъ увлеченія зрѣлищами, напоминаетъ имъ эти слова Спасителя и прибавляетъ: „зачѣмъ смотрѣть на то, что запрещено намъ дѣлать?“

¹⁾ Сборникъ бесѣдъ св. отца нашего Іоанна Златоустаго. Москва 1876. Бесѣда XXXI, стр. 114.

²⁾ Ibidem, бесѣда XII, стр. 53.

³⁾ Творенія Тертуліана, стр. 147.

⁴⁾ Творенія Тертуліана, стр. 145.

Почему вещи, оскверняющія человека лзыкомъ, не могутъ осквернить его очами и ушами, тогда какъ очи и уши суть, можно сказать, преддверіе души нашей? Трудно, чтобы сердце оставалось чисто, когда входъ въ него поврежденъ¹⁾.

Но могли ли христіане присутствовать на зрѣлищахъ, видѣть и слышать, что дѣлалось тамъ, и не загрязнить свое воображеніе, свою душу?

Конечно, нѣтъ.

Тертуліанъ начинаетъ перечислять всѣ мерзости, которыя можно было увидѣть въ театрѣ, но потомъ останавливается и говорить: „но перейдемъ въ молчаніи всѣ подобныя гнусности, которыя должны бы быть погребены подъ непроницаемымъ мракомъ, дабы не осквернять и свѣта дневнаго“²⁾.

Для того, чтобы позвакомить нашихъ читателей съ тѣмъ, что составляло предметъ тогдашнихъ зрѣлищъ, или дать имъ о томъ хоть небольшое понятіе, приведемъ сужденія о театральныхъ представленіяхъ св. Іоанна Златоуста, св. Кипріяна Карфагенскаго и Лактанція. Это будетъ вполне достаточно для нашей цѣли.

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „какъ могутъ сказать о себѣ, что смотрѣли не съ вождѣльнѣемъ тѣ, которые входятъ въ театры не случайно, но для этого именно и съ такимъ рвеніемъ, что небрегутъ и о церкви, проводятъ цѣлые дни, пригвоздившись глазами къ тѣмъ женщинамъ, гдѣ развратныя рѣчи, блудныя пѣсни, любострастный голосъ, подкрашенные брови, нарумяненные щеки, наряды, подобранныя съ особеннымъ искусствомъ, поступь, исполненная очарованія, и гдѣ множество приготовлено другихъ приманокъ для оболъщенія и увлеченія зрителей“³⁾.

Св. Кипріянъ Карфагенскій въ слѣдующихъ словахъ даетъ понятіе о „ренертуарѣ“ зрѣлищъ того времени.

„Омерзительныя преданія объ убійствахъ и кровосмѣшеніяхъ повторяются въ живомъ дѣйствіи, какъ событія настоящія, дабы учиненное вѣкогда злодѣйство не вышло изъ памяти потомства. Преступленіямъ даютъ переживать вѣка; все-

1) Творенія Тертуліана, стр. 146.

2) Ibidem, стр. 146.

3) Сборникъ бесѣдъ св. отца нашего Іоанна Златоуста. Бесѣда XXXI, стр. 116.

истребляющему времени не позволяют истребить память злодѣяства, пороку не позволяютъ приходить въ забвеніе; давнившія мерзости обращаются въ живые примѣры. Присутствуя на комическихъ представленіяхъ, одни повторяютъ пороки, которые имъ извѣстны изъ домашней ихъ жизни; другіе учатся, какъ можно быть порочными. Смотритъ прелюбодѣйство, учатся прелюбодѣйству: открытое потворство зау располагаетъ къ порокамъ, и женщина, пришедшая на зрѣлище, можетъ быть, цѣломудренная, выходить изъ него безстыдной!¹⁾

Наконецъ Лактанцій, кажется, судить еще строже о театраль-ныхъ представленіяхъ.

„Не знаю, — пишетъ онъ, — развратъ театральныи не преступиле ли разврата, происходимаго отъ зрѣлищъ сраженія. Комедія чаще всего представляетъ болѣе распутныхъ молодыхъ дѣвицъ, подвергшихся соблазну, нежели женщинъ замужнихъ, преданныхъ любви. Чѣмъ съ болѣеишгъ искусствомъ и пріятностью поэты описываютъ эти беспорядки, тѣмъ глубже мѣнія ихъ вкореняются въ умъ и тѣмъ сильнѣе ихъ заблужденія впечатлѣваются въ память. Трагедіи не заключаютъ въ себѣ ничего иного, кромѣ отцеубійствъ и прелюбодѣйствъ злыхъ государей. Безстыдными тѣлодвиженіями актеровъ внушаютъ одно сладострастіе. Представляя мнимыя блудодѣянія, они научаютъ творить ихъ дѣйствительно. Какіхъ впечатлѣній не дѣлаютъ эти грязныя представленія въ умъ молодыхъ людей, когда они видятъ, что весь свѣтъ присутствуетъ тамъ безъ зазрѣнія совѣсти! Вождѣніе, входящее скорѣе черезъ глаза, нежели черезъ другія чувства, возжигается въ ихъ сердцахъ. Они одобряютъ мерзости, смѣясь надъ ними²⁾; послѣ чего, какъ молодые люди, которыхъ невѣжностію не должно развращать, такъ и старики, которые не въ состояніи уже грѣшить, возвращаются домой еще болѣе развратными, нежели когда отпра-влялись въ театръ.

„Слѣдовательно надо избѣгать всякаго рода зрѣлищъ, дабы они не вселяли беззаконныхъ помысловъ въ души и дабы прелесть сладострастія не отвлекали насъ отъ служенія Богу и отъ исполненія добрыхъ дѣлъ³⁾).

¹⁾ Творенія св. Кипріана Кароагенскаго.

²⁾ Важное замѣчаніе! Смѣхъ надъ тѣмъ, что должно возбудить негодованіе только или состраданіе, недостойнъ христіанина. *Прим. автора.*

³⁾ Творенія Лактанція, прозваннаго христіанскимъ Цицерономъ. Перев. Е. Барышева. С.-Пб. 1848. Ч. II. Божественныя наставленія. Кн. VI, стр. 68—69.

Читая эти обвиненія театральныхъ зрѣлищъ въ томъ, что они развращаютъ общество, невольно съ грустью на душѣ вспоминишь о современныхъ зрѣлищахъ.

Перечисленные св. отцами обвиненія могутъ быть почти во всей ихъ силѣ приложимы и ко многимъ изъ современныхъ зрѣлищъ и притомъ именно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя привлекаютъ къ себѣ особенно многочисленную толпу.

А вредъ отъ тѣхъ зрѣлищъ, обвиненія противъ которыхъ мы привели выше, настолько значителенъ, что заставляетъ св. Іоанна Златоуста воскликнуть въ порывѣ негодованія:

„Понемногу не согрѣшиваеь бы тотъ, кто назваеь бы отца, поведшаго дѣтей своихъ въ театръ и тѣмъ сввергшаго ихъ въ самое началѣ невиннаго возраста въ пропасть нечестія, не отцомъ, а *дѣтубійцею*“¹⁾.

Такъ боролись отцы и учителя Церкви противъ пристрастїа христіанъ того времени къ зрѣлищамъ и нублачимъ увеселенїямъ.

Но, какъ мы выше замѣтили уже, страсть къ зрѣлищамъ какъ бы врождена чедовѣку; нѣтъ народа, на какой бы низкой ступени развитїа онъ ни находился, у котораго бы не было своихъ общественныхъ увеселенїй, своихъ зрѣлищъ болѣе или менѣе грубыхъ.

Это фактъ очень печальный, но фактъ, съ которымъ надо считаться.

Страсть къ зрѣлищамъ одна изъ самыхъ опасныхъ и гибельныхъ. Это наклонная плоскость: начиная отъ зрѣлищъ невинныхъ, если не полезныхъ, скатываешься по ней, совершенно незамѣтно, до зрѣлищъ безнравственныхъ и вредныхъ.

А чѣмъ зрѣлище безнравственнѣе, чѣмъ сильнѣе возбуждаетъ оно страсти, разжигаетъ похоти, тѣмъ болѣе и болѣе привлекаетъ оно толпу и тѣмъ оно опаснѣе и страшнѣе для общественной безопасности²⁾.

Театръ есть вѣрнѣйшїй проводникъ во все слои общества легкаго взгляда на нравственную раснущенность; и въ этомъ

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста слова и бесѣды на разные случаи. Т. II, стр. 338—341.

²⁾ Французской революціи 1789 года предшествовало особенно сильное развитїе страсти къ театральнымъ зрѣлищамъ во всѣхъ слояхъ общества.

Прим. автора.

отношеніи знаменательны слова Ж. Руссо, поставленныя эпитафией къ цитированной уже нами статьѣ А. Лебедева „О зрѣлищахъ“ („Душеп. чтеніе“ 1878. № 1).

Вотъ эти слова:

„Театръ никогда не можетъ исправлять нравы, а портить ихъ можетъ очень часто. Добро, которое доставляетъ театръ, есть нуль“.

Оно и понятно: дурное дурнымъ исправить нельзя. А театральныя зрѣлища и увеселенія, самыя, повидямому, немнныя, въ основѣ своей грѣховны, потому что происходятъ отъ грѣховнаго источника, и представляютъ въ сущности ложь, обманъ — обманъ чувствъ, обманъ воображенія, что само по себѣ недостойно высокаго идеала христіанства.

А. Лебедевъ, въ упомянутой статьѣ своей, „О зрѣлищахъ“, приводитъ мнѣнія о театрѣ знаменитыхъ писателей древняго міра, хотя и язычниковъ, но по своему уму и дарованію возвышавшихся надъ остальной массой.

Мы позволимъ себѣ привести эти мнѣнія такъ, какъ ихъ цитируетъ А. Лебедевъ.

„Знаменитый философъ Платонъ, начертывая въ своихъ сочиненіяхъ идеалъ образцоваго государства, не даетъ въ этомъ государствѣ мѣста ни комедіи, ни трагедіи, такъ какъ онѣ представлялись по нему опасными какъ для актеровъ, такъ и для зрителей. Самое искусство комедіанта, по его мнѣнію, вводитъ въ жизнь человека характеръ пустоты, недостойной человека и прямо противоположной чистотѣ нравовъ. Онъ боялся, чтобы желаніе представлять страсти человѣческія не породило желанія развѣнать въ душѣ то, что на сценѣ стараются представить словами и дѣйствіями. Онъ (Платонъ) заключаетъ, что зрѣлища могутъ только поддерживать и увеличивать то, что есть въ насъ самаго дурнаго“¹⁾.

Вотъ очень важное для насъ свидѣтельство!

Ибо кто не знаетъ, какъ благородно и высоко было міровоззрѣніе Платона, какъ близко подходилъ онъ къ открытію началъ той Истины, которая нѣсколько вѣковъ спустя была раскрыта намъ вполнѣ Богочеловѣкомъ.

Интересенъ также отзывъ Овидія о комедіи.

Хотя Овидій былъ человѣкъ очень легкаго нравовъ, но и

¹⁾ Душеп. Чтеніе, 1878, № 21, стр. 174—175.

онъ не могъ относиться одобрительно въ тому, что составляло театральныя зрѣлища того времени.

„Что другое видишь здѣсь, — говорить онъ, — какъ не преступленіе, одѣтое въ нарядную одежду? Отецъ и дѣти, мать и дочь, важные сенаторы услаждаются зрѣлищемъ, устремляютъ свои глаза на безстыдную сцену, настраиваютъ уши для слуханія соблазнительныхъ стиховъ. Чѣмъ болѣе поэтъ способенъ портить нравы, тѣмъ онъ лучше вознаграждается: правительство осыпаетъ золотомъ преступленія автора“¹⁾.

Аристотель, Цицеронъ тоже не одобряли театральныхъ зрѣлищъ и никогда не считали ихъ полезной „школой народа“. Наконецъ Юліанъ Отступникъ, пытавшійся тщетно воскресить издавшее язычество и вдохнуть въ него новую жизнь, съ ужасомъ и презрѣніемъ отзывался о зрѣлищахъ и съ цѣлью поднать нравственное значеніе языческихъ жрецовъ, запретилъ имъ присутствовать на зрѣлищахъ²⁾.

Наконецъ, въ высшей степени характеристично самое отношеніе общества того времени къ людямъ, дававшимъ ему возможность наслаждаться любимыми зрѣлищами, къ сценическимъ дѣятелямъ, если можно такъ выразиться.

Отношеніе это было исключительно презрительное: званіе актера, атлета, гладиатора считалось самымъ низкимъ, постыднымъ.

„Правители республики, — говоритъ Тертуліанъ, — судьи, распорядители игрищъ лишаютъ всякаго почетнаго званія подвижниковъ цирка, атлетовъ, комедіантовъ, гладиаторовъ (т.-е. тѣхъ самыхъ весельчаковъ, которыми знатныя римскія дамы приносятъ въ жертву свое сердце, а часто и самое тѣло, вступая съ ними въ постыдныя связи, хотя публично подобныя связи и порицають); правители, говорю, предають сего рода людей послѣдному уничтоженію, не допуская ихъ пользоваться никакими правами и достоинствами ни въ судилищахъ, ни въ сенатѣ, ни въ преимуществахъ патриціевъ, ниже въ другихъ какихъ-либо должностяхъ. Чудное дѣло! Они объявляютъ ихъ безчестными людьми; а между тѣмъ охотно присутствуютъ на ихъ игрищахъ. Они любятъ тѣхъ, кого наказываютъ; презирають тѣхъ, кого одобряють; хвалятъ дѣло, а дѣлателя по-

¹⁾ Ibidem, стр. 175.

²⁾ Ibidem, стр. 173.

зорать. Какой странный родъ суда безчестить человека за то самое, за что ему воздается честь, или, лучше сказать, какое безкозненное сознание злого дѣла, когда тотъ, кто его производитъ, сколько бы ни доставлялъ удовольствія, предается безславию¹⁾.

Такая двойственность въ отношеніи къ сценическимъ дѣтелямъ могла быть понятной въ обществѣ язычниковъ, которые, по словамъ того же Тертуліана, «судить о добрѣ и истинѣ по своимъ прихотямъ. Что сегодня кажется имъ добромъ, то завтра для нихъ зло; что считаютъ они въ одномъ мѣстѣ запрещеннымъ, то въ другомъ признаютъ позволительнымъ. Что же изъ того происходитъ? Кто передъ дочерью своею не смѣлъ бы произнести на одного неблагопристойнаго слова, тотъ самъ ведетъ ее въ комедію, чтобы она слышала самыя скверныя рѣчи и видѣла всякаго рода неприличныя коверканія²⁾». Но для христіанъ нѣтъ нужды судить о добрѣ и злѣ по своимъ личнымъ прихотямъ. Имъ данъ законъ, въ которомъ разъ навсегда проведена граница между добромъ и зломъ; ясно, опредѣленно и на вѣчныя времена сказано и утверждено: здѣсь добро — здѣсь зло.

Христіанинъ не могъ любоваться зрѣлищами, приходилъ въ восторгъ отъ нихъ и затѣмъ съ презрѣніемъ отворачивался отъ того, кто доставлялъ ему это удовольствіе.

Христіанамъ представлялась дилемма или совершенно оставить зрѣлища или, бывая на нихъ, относиться къ исполнителямъ по-человѣчески, считать ихъ своими братьями и принимать ихъ въ общеніе Церкви, если они христіане.

Но этого не могло быть, ибо съ точки зрѣнія Церкви человѣкъ, посвящающій всѣ свои силы тому, чтобы возможно нагляднѣе представить порокъ во всѣхъ его видахъ, не можетъ быть принятъ въ общеніе Церкви иначе, какъ по оставленіи этого недостойнаго ремесла.

И въ самомъ дѣлѣ мы встречаемся съ слѣдующими церковными постановленіями, относительно того, какъ держаться съ исполнителями разнаго рода зрѣлищъ.

Соборъ (западный) Эльвирскій, бывшій въ 306 году, въ 62-мъ постановленіи своимъ опредѣляетъ:

¹⁾ Таореніа Тертуліана, т. II, стр. 151—152.

²⁾ *Ibidem*, стр. 160.

„Если возница (т.-е. исполнитель на конских ристалищах) или пантомимист захотят обратиться къ христіанству, пусть таковыя прежде откажутся отъ своихъ занятій, и потому нужно надзирать, чтобы и впоследствии они не возвращались къ подобнымъ занятіямъ. Если же кто поступитъ вопреки такому запрещенію, таковой отлучается отъ Церкви¹⁾).

Соборъ Арелатскій 314 года постановляетъ въ 4 и 5 параграфахъ своихъ правилъ отлучать отъ церкви возницъ и актеровъ, коимъ скоро они продолжаютъ свои занятія²⁾).

Правило 3-е вселенскаго пято-шестого собора гласитъ:

„Кто взялъ въ супружество вдову или отверженную отъ супружества, или блудницу, или рабыню, или изъ иракомскихъ на сцену, тотъ не можетъ быть ни епископомъ, ни пресвитеромъ, ни діакономъ, ни вообще въ священномъ спискѣ³⁾).

62-е правило Карфагенскаго (помѣстнаго) собора запрещаетъ склонять или принуждать къ занятію какимъ-либо театральнымъ искусствомъ того, „кто пожелалъ прибѣгнуть къ благодати христіанства и быть свободнымъ отъ прежнихъ нечистыхъ занятій⁴⁾).

Выше мы перечислили обвиненія отцовъ и учителей церкви противъ театральнаго зрѣлища; позволимъ себѣ здѣсь же привести сужденіе св. Киріяна Карфагенскаго о конскихъ ристалищахъ.

„Сколько пустоты въ этихъ состязаніяхъ?« говорить онъ. „Спорить изъ-за цѣвтовъ, превращаться въ бѣгъ на колесницахъ, домогаться почестей, радоваться, что конь быстръ; сокрушаться, когда очень лѣнивъ; считать лѣта скотины по временамъ консуловъ, изучать ея возрастъ, обозначать поколѣніе, припоминать самыхъ дѣдовъ и прадѣдовъ — какое во всемъ этомъ пустое занятіе! Или лучше скажу, какъ *иногда* и *безчестно* выслушивать перечисляющаго на память все поколѣніе лошадиной породы и безъ ошибки съ величайшей скоростью пересказывающаго все это! Но спроси его о предкахъ

1) См. статью А. Лебедева „О зрѣлищахъ“. Дух. Чтеніе 1878, № 2, стр. 185.

2) Ibidem.

3) Дѣянія вселенскихъ соборовъ, изданныя въ русскомъ переводѣ при Казанской духовной академіи. Томъ шестой. Изд. второе. Каз. 1882 г. Стр. 287—288.

4) Дѣянія десяти помѣстныхъ соборовъ, изд. при Каз. дух. Академіи. Казань 1878. Стр. 155.

Христовыхъ: онъ ихъ не знаетъ, и знать было бы для него большимъ бременемъ¹⁾).

Какъ много глубокой правды въ этихъ словахъ и какъ прижизненно они во многихъ случаяхъ современной жизни, между прочимъ и особенно къ любителямъ свачекъ и бѣговъ, которые ставятъ себѣ это пустое развлеченіе чуть ли не цѣлью жизни.

Да и такъ, сколько ризаго, порой совершенно ненужнаго, изучаемъ мы, запоминаемъ, съ важнымъ видомъ говорить, спорить объ этомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не знаемъ хорошо порой даже такой обязательной для всякаго вѣрующаго книги, какъ св. Евангеліе, не говоря уже о твореніяхъ св. Апостоловъ и св. отцовъ Церкви!

Но, конечно, отцы и учителя Церкви далеко не такъ осуждали конскія ристалища, какъ театральныя зрѣлища. Любовь къ конскимъ ристалищамъ показываетъ только пустоту души, неумѣніе, или нежеланіе, употребить свободное время на что-нибудь мало-мальски полезное, тогда какъ любовь къ театральнымъ зрѣлищамъ, по мнѣнію отцовъ Церкви, говорить о развращенности души, объ испорченности ея.

Страсть къ зрѣлищамъ, по выраженію св. Кирилла Іерусалимскаго, есть гордыня дѣвольская.

Но, несмотря на грозныя обличенія и увѣщанія достойнѣйшихъ пастырей, несмотря на запрещенія соборовъ, народъ устремлялся густыми толпами на мѣста зрѣлищъ и ристалищъ, проводя тамъ цѣлые дни, забывая даже свои христіанскія обязанности.

61-е правило Кароагенскаго собора прямо говоритъ, что въ продолженіе восьми дней св. Пасхи народъ собирается болѣе на коннористалища, нежели въ церкви²⁾.

На это также жалуются и св. Іоаннъ Златоустъ въ свидующихъ горячихъ словахъ:

„Побѣжали (христіане) смотрѣть на состязаніе и впади въ такое неистовство, что наполнили весь городъ непристойнымъ шумомъ и крикомъ, возбуждающимъ смѣхъ или, лучше, плачь. Даже и самого дня мы не постыдились, дня, въ который совершилось знаменіе спасенія рода нашего; но въ пятницу,

¹⁾ Тверскіи св. Кирилла Кароагенскаго.

²⁾ Смори ниже.

когда Господь твой распять за вседенную, когда принесена такая жертва и отвергъ рай, и клятва разрѣшена, и грѣхъ уничтоженъ, въ тотъ день, когда слѣдовало поститься, слово-словить и возносить благодарственными молитвы, тогда ты, оставивъ Церковь и жертву духовную, и собраніе братій, и забывъ важность поста отдался въ плѣнь діаволу и повлекся на то зрѣлище. И недостаточно тебѣ было одного дня, но и на другой день, когда слѣдовало бы немного отдохнуть отъ прежняго нечестія, ты опять пошелъ на зрѣлище: изъ дыма бросившись въ пламя. Старцы посрамили свои сѣдины, юноши подвергли опасности свою юность; отцы привели туда своихъ дѣтей, ввергая ихъ въ самомъ началѣ невиннаго возраста въ пронасть нечестія¹⁾.

Но вспомнимъ, какое тогда было время?

Это было время близкое, очень близкое отъ золотого вѣка христіанства, когда его высокіе идеалы были у всѣхъ прямо передъ глазами, когда, наконецъ, страхъ Божій, спасительный страхъ, котораго такъ мало видимъ мы въ современникахъ, постоянно и на каждомъ шагѣ своимъ невидимымъ присутствіемъ удерживалъ людей отъ нечестія, отъ явнаго грѣха.

Заблужденія происходили и часто, но они основывались не на отрицаніи Слова Божія, а на произвольномъ или неправильномъ его толкованіи.

Если поэтому страсть къ зрѣлищамъ принимала обширные размѣры и захватывала всѣхъ или почти всѣхъ, то христіане — любители зрѣлищъ оправдывали себя тѣмъ, что въ этомъ-де нѣтъ никакого грѣха.

Отцы церкви старались разъяснить вѣрующимъ всю глубину этого заблужденія, но видно не всегда и не имѣли достигли своей цѣли, ибо впоследствии не разъ еще требовались строгія постановленія соборовъ для обузданія страсти къ зрѣлищамъ или по крайней мѣрѣ для сдерживанія ея въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ оправданій, которыя выставлялись христіанами — любителями зрѣлищъ въ защиту своей страсти, и къ отвѣтамъ на нихъ со стороны учителей Церкви.

¹⁾ См. Иоаннъ Златоустъ. Слова и бесѣды на разные случаи. Т. II, стр. 336 — 341.

Однимъ изъ такихъ оправданій, выставившихся, повидимому, довольно часто, была ссылка на то, что нигдѣ въ Словѣ Божіемъ, въ св. Писаніи, не содержится прямыхъ указаній на то, что посѣщеніе театральныхъ зрѣлищъ должно быть запрещено христіанамъ.

На это Тертузіанъ возражаетъ:

„Правда, что мы не находимъ буквального запрещенія ходить въ циркъ, въ театръ, на ристалище, въ амфитеатръ, подобно какъ имѣемъ повелѣніе не убивать, не поклоняться идоламъ, не красть, не прелюбодѣйствовать. Но мы встречаемъ достаточное на сей счетъ запрещеніе въ началѣ перваго неалма царя Давида: *Блаженъ мужъ, — говоритъ онъ, — иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищѣ убителей не сѣде*. Хотя пророкъ тутъ, повидимому, говоритъ собственно о праведникѣ, не принимавшемъ участія въ совѣтѣ иудеевъ, непрерывно возмущавшихся противъ Господа своего, но священное Писаніе заключаетъ въ себѣ многіе смыслы, а особливо, когда нравственный смыслъ сообразенъ съ буквальнымъ“¹⁾.

По мнѣнію того же христіанскаго писателя запрещеніе зрѣлищъ входитъ, какъ часть, въ общее для христіанъ повелѣніе не предаваться плотской похоти (1 Іоан. II, 15, 16).

„Подобно какъ бываетъ похоть къ богатствамъ, къ почестямъ, къ обжорству, къ удовлетворенію плоти, такъ точно бываетъ похоть къ удовольствіямъ и увеселеніямъ. Между прочими родами удовольствій нельзя не считать также и зрѣлищъ: похоти, предъ симъ упомянутыя, въ общемъ смыслѣ заключаютъ въ себѣ и удовольствія; равнымъ образомъ и удовольствія, пріемлемыя въ общемъ же значеніи, простираются на зрѣлища“²⁾.

Главнѣйшее же правило, не позволяющее христіанамъ посѣщать всякаго рода мѣста зрѣлищъ, основывается на таинствѣ св. крещенія.

Дѣйствительно, всякій крещающійся въ святую истинную вѣру, въ которой нѣтъ спасенія, даетъ торжественный обѣтъ пребывать вѣрнымъ ученію Церкви и троекратно отречается отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его.

¹⁾ Творенія Тертузіана, ч. II, стр. 127.

²⁾ Ibidem, стр. 142.

„Гдѣ же боже діаволь господствуетъ съ своими сообщниками, — восклицаетъ Тертуліанъ, — какъ не въ идолопоклонствѣ? Не тутъ ли престолъ нечистаго духа и сѣдаице злочестія?¹⁾).

А мы уже видѣли выше, что св. отцы Церкви все устройство театралныхъ зрѣлищъ, и волюй справедливо, полагали основнымъ на идолопоклонствѣ, такъ что, отрекаясь отъ діавола и дѣлъ его, христіанинъ тѣмъ самымъ какъ бы отрекается и отъ зрѣлищъ, „изъ которыхъ идолопоклонство составило какъ бы жертвоприношеніе сатанѣ и ангеламъ его“²⁾).

Но этого мало.

Находились между христіанами и такіе, которые не только утверждали, что въ священномъ Писаніи нѣтъ запрещенія посѣщать зрѣлища, но даже готовы были отмыскивать въ немъ мѣста, будто бы, по ихъ истолкованію, благопріятствующія разнаго рода зрѣлищамъ и увеселеніямъ. „Гдѣ, говорили они, написано противъ театровъ? Гдѣ запрещено? Вѣдь и Ілія представляется возницею Израилевымъ и самъ Давидъ скакалъ передъ ковчегомъ; также читаемъ о гуслихъ, трубахъ, тимпанахъ, свирѣляхъ, арфахъ и хорахъ. Да и Апостолъ, ополчая насъ на брань, предлагаетъ противъ духовъ злобы орудія, обыкновенно употребляемыя борцами (Ефес. 5. 14, 15, 16, 17); онъ же, когда беретъ примѣры отъ ристалищъ между наградами помѣщаетъ вѣнцы. Самое слово *меатръ* косвенно употребляется въ св. Писаніи, именно когда Апостолъ говоритъ о ристалищѣ³⁾). Почему же человѣку вѣрующему, христіанину, нельзя смотреть на то, о чемъ позволительно было писать въ Писаніи?⁴⁾).

На это оправданіе въ такихъ словахъ отвѣчаетъ св. Кирианъ Карфагенскій: „На это я сказалъ бы, что подобнымъ людямъ лучше гораздо вовсе не знать Писаніе, чѣмъ познать его такимъ образомъ; потому что выраженіе и примѣры, которые представлены у Апостола для поощренія въ евангельской до-

¹⁾ Творенія Тертуліана, стр. 128 (Ч. II).

²⁾ *Ibidem*, стр. 128.

³⁾ Приводимъ это мѣсто изъ I посланія Апостола Павла къ коринтянамъ. Гл. 9. 24: *Не знаете ли, что бѣгутъ на ристалища, бѣгутъ всѣ, но одинъ получаетъ награду? Такъ бѣгите, чтобы получить.*

⁴⁾ *Всѣ подвижники воздерживаются отъ всего; ни для полученія вѣнца мѣлннато, а ми итлнннато.*

⁴⁾ Св. Кирианъ Карфагенскій. Книга о зрѣлищахъ.

бродятели обращаются ими къ защитѣ пороковъ, тогда какъ они изложены въ Писаніи не для того, чтобы приохотить къ зрѣлищамъ, но чтобы черезъ нихъ душа воспламенялась большимъ стремленіемъ къ предметамъ полезнымъ, припоминая у язычниковъ подобныя стремленія къ предметамъ бесполезнымъ. А что Ілія представляется возницею Паравилемъ, въ этомъ нѣтъ никакой опоры для посѣщенія цирковъ, потому что онъ не ристалъ ни въ какомъ циркѣ. И что Давидъ плясалъ передъ лицомъ Божиимъ — это нисколько не оправдываетъ вѣрныхъ христіанъ, присутствующихъ въ театрѣ, потому что онъ не употреблялъ при этомъ безстыдныхъ тѣлодвиженій и его пляска не была страстнымъ греческимъ танцемъ. Гусли, трубы, свирѣли у Давида воспѣвали Бога, а не идола⁴¹⁾.

Что же касается того, что св. Писаніе не упоминаетъ нигдѣ прямо о запрещеніи посѣщать театральныя зрѣлища, то это потому, что, „щазя стыдливость, св. Писаніе потому особенно что-либо и запрещаетъ, что совсѣмъ умалчиваетъ о томъ. И о томъ, о чемъ умолчано, говоритъ вѣсто заповѣдей и разумъ и строгій взглядъ“⁴²⁾.

Для большинства современныхъ защитниковъ и ревнителей театральныя зрѣлища, конечно, вполне безразлично, какъ относится къ этому вопросу Церковь, осуждаетъ она или нѣтъ посѣщеніе христіанами театровъ и разныхъ увеселительныхъ мѣстъ.

Театръ есть-де школа народа, слышамъ мы голоса кругомъ; изъ него народъ долженъ черпать правила нравственности, учиться гражданскимъ доблестямъ и семейнымъ добродѣтелямъ. Театры-де доставляютъ народу пищу духовную, они предохраняютъ народную массу отъ провнякновения въ нее разныхъ пороковъ!

Кому изъ насъ десятни разъ не приходилось читать этихъ и подобныхъ фразъ, очень громкихъ, можетъ быть, но вѣстѣ съ тѣмъ и живыхъ.

„Въ театрѣ не то важно, — писалъ одинъ изъ особенно рьяныхъ защитниковъ разныхъ театральныя зрѣлища, — что порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ. Въ театрѣ второстепенна и пышность обстановки. Театръ тѣмъ важенъ,

⁴¹⁾ Ibidem.

⁴²⁾ Ibidem.

что онъ дѣлается проводникомъ искусства и художественной критики во всѣхъ слояхъ общества. Искусство приводитъ постепенно къ пониманію красоты и истины. Чѣмъ свободнѣе оно въ предѣлахъ общественной безопасности, тѣмъ лучше¹⁾).

Голоса о воспитательномъ значеніи театра подымались и прежде.

Ни что не ново подъ луной, и въ этомъ отношеніи наши esprits forts (вѣриѣ: esprits faibles!), утверждающіе, что не Церковь должна учить народъ нравственности, а театральныя зрѣлища, — ничего новаго не открыли, а повторяютъ старое съ непостижимымъ упрямствомъ.

И тогда говорили, что театральныя представленія выдуманы для изученія вѣжливости и науки жить въ свѣтѣ²⁾), на что Тертуліанъ возражалъ, что надежить христіанамъ „презирать сію науку, которая есть безуміе передъ Богомъ, и что слѣдственно мы должны гнушаться ими двумя зрѣлищами, то есть комедіей и трагедіей, въ которыхъ выставляются всѣ прелести сей тлетворной науки. Комедія есть, такъ сказать, школа нечистоты, а трагедія учить только жестокости, злочестію и варварству. Будьте увѣрены, что рассказъ о постыдномъ дѣлѣ столько же постыденъ и опасенъ, какъ и самое дѣло³⁾).

Здѣсь не лишнимъ будетъ привести въ pendant къ этой выпискѣ нѣсколько строкъ, принадлежащихъ перу Филарета Московскаго, этого великаго знатока души человѣческой.

Онъ тоже былъ того мнѣнія, что рассказомъ о дурномъ дѣлѣ, выставленіемъ этого дѣла на публичное созерцаніе нельзя и думать исправлять нравы.

1) Газета „Москва“ 1867, № 3, статья гр. Солмогуба: „Театры и тюрьмы“. Замѣчательно удачное названіе! Мы увѣрены, что не одного уже человѣка театры довели до тюрьмы. *Прим. автора.*

2) Замѣчательное совпаденіе! Почти въ такихъ же словахъ выразился на дняхъ знаменитый ex-кавалеръ Бисмаркъ, принявъ денутацію отъ драматическаго общества лейпцигскихъ студентовъ: „Вашему обществу и желанію наибольшаго продолженія. Я радуюсь, что вы можете свободно удокле-творять своей склонности къ драматическому искусству. Гете считалъ драматическую сцену подготовительною школою для жизни, и мнѣ кажется, что это именно важно для нѣмцевъ, которыхъ сцена можетъ оцивиловать и сдѣлать болѣе свободными и развѣтлыми въ жизни“ См. „Гражданинъ“ № 20. *Прим. автора.*

3) Творенія Тертуліана, ч. II, стр. 146.

„Злорѣчіе, говоритъ незабвенный святитель нашей церкви, которымъ иѣкоторые думаютъ исправлять зло — невѣрное для этого врачевство. Зло не исправляется зломъ, а добромъ. Какъ загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязной водою, такъ описаніями порока, столь же нечистыми и смрадными, какъ онъ самъ, нельзя очистить людей отъ порока. Умноженіе передъ глазами народа изображеній порока и преступленій, *уменьшаетъ* ужасъ преступленія и отвращенія отъ порока, и порочный при видѣ такихъ изображеній говорить: „не я одинъ, такихъ много; не очень стыдно“¹⁾).

Это замѣчательныя слова для нашего времени, когда цѣлая плеяда писателей и драматурговъ преимущественно такъ называемаго „либеральнаго“²⁾ направленія все силы своего ума и таланта (?) тратитъ на изображеніе въ своихъ произведеніяхъ всевозможнѣйшихъ пороковъ во всея ихъ возмутительной наготѣ и оправдываетъ это желаніемъ представить порокъ въ возможно безобразной формѣ, дабы тѣмъ вселить въ людяхъ отвращеніе къ нему или начинаетъ толковать о реализмѣ.

И то и другое, думается намъ, только предлогъ, а настоящая причина — это то, что вообще гораздо легче, и меньше требуется таланта, описывать темныя стороны жизни и всеъ ужасомъ порока, чѣмъ „изобразить добродѣтель въ ея чистомъ свѣтѣ, въ ея непоколебимой твердости, въ ея чудной красотѣ“³⁾.

Здѣсь весьма естественно представляется такое возраженіе: „но позвольте, быть можетъ отцы Церкви оттого такъ ратовали противъ театральнаго зрѣлища, что въ то время они действительно были всеъ очень безнравственны. Теперь не то, теперь, по крайней мѣрѣ, иѣкоторые изъ театровъ, напримѣръ серьезная опера, высокая комедія, классическая трагедія представляютъ зрѣлища совершенно невинныя. До нихъ не относится строгій приговоръ церкви надъ зрѣлищами“.

Увы, и это возраженіе не остается безъ отвѣта со стороны того же строгаго обличителя зрѣлищъ, каковымъ былъ Тертуліанъ.

„Положимъ, — говоритъ онъ, — что на зрѣлищахъ происходятъ иногда вещи въ самомъ дѣлѣ пріятныя, простыя, скромныя,

¹⁾ Государственное ученіе митрополита Московскаго Филарета. Изд. 1828 г., стр. 103—104.

²⁾ Слова Филарета. Ibidem.

небезопасныя; но вспомни, что обыкновенно яд смѣшивается не съ желчью, а съ сладкими и вкусными жидкостями. Такъ всегда диаволъ поступаетъ: онъ кроетъ смертельный ядъ свой въ яствахъ наиболѣе пріятныхъ и лакомыхъ. Обращай вниманіе не столько на удовольствіе, сколько на опасность неминуемо сопряженную съ симъ удовольствіемъ⁴¹⁾.

Этимъ мы закончимъ первую главу.

Кажется мы ясно показали, какъ неодобрительно относилась св. православная Церковь первыхъ вѣковъ своего существованія къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ.

Отцы Церкви оставили намъ полное и рѣшительное осужденіе всѣхъ зрѣлищъ, такъ какъ отъ нихъ происходятъ «и развращеніе жизни, разстройство брачныхъ союзовъ, распри и ссоры въ семействахъ⁴²⁾», а святые вселенскіе и помѣстные соборы своимъ властнымъ словомъ опредѣляли строгое наказаніе тѣмъ изъ христіанъ, кто будетъ принимать участіе въ зрѣлищахъ или какъ актеръ, или какъ зритель.

Мы приведемъ здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ главнѣйшія опредѣленія на этотъ счетъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ.

Правила пято-шестого св. вселенскаго собора.

Правило 24.

Да не будетъ позволено никому изъ числящихся въ священномъ чинѣ или монаховъ развлекаться на конскихъ бѣгахъ или придерживаться сценическихъ игръ. Но если бы какой клирикъ былъ приглашенъ на бракъ, то лишь только появятся игры, служащія къ обольщенію, то пусть встанетъ и тотчасъ удалится, ибо такъ повелѣваетъ ученіе отцовъ нашихъ. Если же кто будетъ обличенъ въ этомъ, тотъ пусть или преставетъ, или будетъ изверженъ⁴³⁾.

Правило 51.

Сей святый и вселенскій соборъ совершенно возбраняетъ устроить такъ называемыя мямическія представленія и ихъ

⁴¹⁾ Творенія Тертуліана, ч. II, стр. 166.

⁴²⁾ Сборникъ бесѣдъ св. отца нашего Іоанна Златоуста. Бесѣда XXXI, стр. 118. Москва 1876.

⁴³⁾ Дѣянія вселенскихъ соборовъ, изданныя въ русскомъ переводѣ при Казанской духовной академіи. Т. VI, изд. второе, Каз. 1882, стр. 292.

зрѣлища, потомъ также и зрѣлище звѣривой травли и пляски на сценѣ. Если кто презреть настоящее правило и предается чему-либо изъ сего запрещеннаго, то, если онъ клирикъ, да будетъ изверженъ, а если мирянинъ, да будетъ отлученъ¹⁾.

Правило 62.

Желаемъ совершенно изгнать изъ жизни вѣрныхъ такъ называемыя календы, ноты, врумалін и народный праздникъ, совершаемый въ первый день мѣсяца марта, также *всенародныя* пляски женщины, могущія произвести большой соблазнъ и вредъ; также отвергаемъ пляски и обряды, совершаемые мужчинами или женщинами, во имя доживо названныхъ боговъ, по какому-то древнему и чуждому христіанской жизни обычаю, и опредѣляемъ, чтобы никакой мужчина не одѣвался въ женское платье или женщина въ платье, приличное мужчинамъ; также чтобы никто не надѣвалъ на себя личиы комическихкихъ или трагическихкихъ. Тѣхъ, которые отважатся дѣлать на будущее время что-нибудь изъ упомянутого выше, зная это постановленіе, тѣхъ повелѣваемъ, если они клирики — извергать, а если миряне — отлучать²⁾.

Правило 66.

Начиная отъ святаго дня Воскресенія Христа Бога нашего до новаго воскресенія, въ теченіе дѣлой седмицы вѣрные должны неопустительно проводить свободное время въ святыхъ церквахъ, увеселяясь псалмами, гимнами и пѣснями духовными, и празднуя въ честь Христа, внимая чтенію божественныхъ писаній и вкушая святыхъ Тайнъ; ибо такимъ образомъ мы воскреснемъ и вознесемъ вмѣстѣ со Христомъ. Повтому въ указанныя дни отнюдь да не производится конского бѣга или другого народнаго зрѣлища³⁾.

Правило 71.

Обучающіеся гражданскимъ законамъ не должны употреблять языческихкихъ обычаевъ, именно ходить въ театръ или совершать такъ называемыя кизистры или одѣваться въ одежды, не находящіяся въ общемъ употребленіи, ни въ то время, когда начи-

¹⁾ Ibidem, стр. 300—301.

²⁾ Ibidem, стр. 303.

³⁾ Ibidem, стр. 304.

нають ученіе, чи тогда, когда приходятъ къ концу его, ни вообще въ теченіе этого обученія. Если кто отымаѣ осмѣлится дѣлать такъ, да будетъ отлученъ¹⁾.

Въ правилахъ седьмого вселенскаго собора мы находимъ слѣдующее постановленіе, которое отчасти касается интересующаго насъ вопроса. Вотъ оно.

Правило 22,

о томъ, что монахи должны ѣсть съ женщинами, если того потребуетъ необходимость, съ умѣренностью и съ чувствомъ благодаренія (Господу) и благоговѣнія.

...Итакъ всякому человѣку необходимо ѣсть, чтобы жить, и тѣмъ, которые вѣдутъ брачную жизнь, имѣють дѣтей и живутъ съ мѣрѣ, не предосудительно ѣсть вмѣстѣ и мужчинамъ и женщинамъ, только бы они благодарили Подателя пищи и ѣли *безъ всякихъ театралныхъ безобразій* или сатавинскихъ пѣсней, безъ гитары и блудническихъ гласованій, на которыя падаетъ укоризна пророка, гласящая такъ: *Горе тѣмъ, которые съ цуслами и трюницами вино пьютъ, на дѣла же Господни не азираютъ и дѣла руку Его не помышляютъ* (Ис. 5, 12). Если бы гдѣ-либо были таковыя среди христіанъ, то пусть исправятся; если же не исправятся, то да будетъ соблюдаемо въ отношенія къ нимъ то, что прежде насъ изложено канонически²⁾.

Изъ постановленій девяти помѣстныхъ соборовъ для насъ существенно важны слѣдующія правила Кареевскаго собора.

Правило XV.

...Дѣтямъ священниковъ не участвовать въ мірскихъ зрѣлищахъ и не смотрѣть на нихъ. *И весьма христіанамъ всегда было проповѣдуемо, чтобы они не ходили туда, гдѣ бывають хуленія³⁾.*

¹⁾ Ibidem, стр. 306.

²⁾ Дѣянія вселенскихъ соборовъ. Изданіе Казанской духовной академіи. Т. VII. 1876. Казань. Стр. 847—848.

³⁾ Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ. Изд. Казанской духовной академіи. Казань 1876. Стр. 117.

Правило LXI (?).

Слѣдуетъ просить благочестивыхъ государей также и о томъ, чтобы воспрещено было представленіе позорищныхъ игръ въ день воскресный и въ прочіе праздничные дни христіанской вѣры — особенно потому, что въ продолженіе осьми дней святой Пасхи народъ болѣе собирается на конское ристалище, нежели въ церкви. Слѣдуетъ переносить опредѣленные для позорищъ дни, когда они встрѣчаются съ праздничными, и никого изъ христіанъ не должно принуждать къ этимъ зрѣлищамъ¹⁾.

Свѣтская власть въ лицѣ благочестивыхъ кесарей византійскихъ принимала, во исполненіе совѣтовъ и постановленій святыхъ отцовъ и учителей Церкви, а равно и святыхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, нижеслѣдующія гражданскія вѣры:

„Граціанъ, Валентиніанъ и Θεодосій подтверждаютъ (въ 386 году) изданный ими уже раньше законъ, чтобы никто въ воскресный день не давалъ народу никакихъ зрѣлищъ; а Валентиніанъ, Θεодосій и Аркадій повелѣваютъ (въ 392 году) прекращать въ воскресный день игры въ циркѣ, „чтобы сборище на зрѣлище не отвлекало отъ достоуважаемыхъ таинствъ христіанскаго закона, за исключеніемъ высочайшихъ дней нашего рожденія“, если только они будутъ приходиться въ воскресный день. Этотъ законъ повторяется въ 399 году Аркадіемъ и Гоноріемъ съ распространеніемъ его на театральныя представленія и зрѣлища всякаго рода.

„Аркадій и Гонорій (въ 400 году) простираютъ запрещеніе зрѣлищъ на страстную и пасхальную недѣлю, на праздники Рождества Христова и Богоявленія.

„Въ 409 году Гонорій и Θεодосій прямо уничтожаютъ и исключеніе въ пользу дней рожденія и востесвіа на престолъ императоровъ“. (См. Православное Обозрѣніе, 1885 г. № 10: „Государство и воскресный день“ — статья Ригера изъ изданія: „Zeifragen d. Christlichen Volkslebens“).

Кромѣ того воспрещено быловоздвигать статуи въ честь комедіантовъ, министровъ и возницъ, утроблававшихся при кон-

¹⁾ Ibidem, стр. 154.

ских ристалищахъ; запрещено было въ цѣрквѣ и въ театрѣ дѣлать что-либо оскорбительное для Церкви христіанской; не позволено было назначать для театральныя игры дѣтей и женщинъ хорошаго поведенія, исповѣдывавшихъ христіанскую вѣру и т. д.

Но если услія свѣтскихъ властей и угрозы отлученія со стороны духовныхъ пастырей не могли окончательно искоренить пагубную страсть христіанъ къ зрѣлищамъ, то по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что постановленія о небытіи какихъ бы то ни было театральныя и иныхъ зрѣлищъ въ воскресные и праздничные дни, а тѣмъ болѣе въ дни поста, соблюдались въ Византіи строго и неукоснительно.

II.

34630
Перейдемъ теперь къ обзорѣ отношеній Церкви къ зрѣлищамъ въ нашей родной землѣ, въ Россіи, которая является законной и единственной наследницей и преемницей всего духовнаго богатства и величія древней Византіи.

Наше отечество въ силу особаго начала своего развитія, обезличившихъ ему и имѣвшее величіе и еще болѣе блестящую, какъ мы вѣруемъ, будущность, не имѣло губительнаго счастья рано познать театральныя зрѣлища, которыя особенно стали прививаться у насъ лишь съ той поры, когда Россія, выброшенная сильной рукой изъ своей вѣковой коленки, пошла по опасной дорогѣ огульнаго заимствованія всѣхъ обычаевъ у своихъ западныхъ сосѣдей.

Обычай эти, возросшіе на почвѣ ересей католицизма и протестантизма, не могли, конечно, принести пользы православною Россіи. Отъ злаго источника не можетъ истечь благо, — надѣяться на противное по меньшей мѣрѣ смѣшно.

Въ старой Руси не было театральныя зрѣлищъ въ собственномъ значеніи этого слова, но были, конечно, разныя народныя увеселенія, игры скомороховъ, представленія разныхъ музыкантовъ, шутовъ или вожаковъ медвѣдей, которыхъ на потѣху крещенаго люда заставляли продѣлывать разныя мудренныя штуки.

Однако и къ этимъ, повидимому, довольно невнимнымъ развлеченіямъ, не иначе какъ съ осужденіемъ относились наши духовные пастыри, достойные преемники великихъ учителей Церкви византийской.

Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ находится въ житіи преподобнаго Феодосія Печерскаго, составленномъ первымъ русскимъ летописцемъ Несторомъ.

Этотъ святой мужъ (Феодосій) пришелъ однажды къ князю Кіевскому Святославу и нашелъ его окруженнымъ толпой музыкантовъ и пѣвцовъ: иные играли на гусляхъ, другіе извлекали звуки изъ дудокъ, третьи пѣли... Блаженный мужъ подѣлъ молча къ князю и тихо сказалъ ему: такъ ли, княже, будетъ на томъ свѣтѣ! И умилился князь, прослезился и велѣлъ музыкантамъ уйти, и съ того времени не позволялъ имъ играть и пѣть въ присутствіи преподобнаго Феодосія.

Въ одномъ древнемъ словѣ неизвѣстнаго „христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ“¹⁾, говорится:

„Того ради не подобаетъ крестьяномъ игоръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясаніе, гудоба, пѣсни мирскыя и жертва идольская...“

Немного сохранилось письменныхъ замѣтанковъ отъ первыхъ вѣковъ существованія русской Церкви, иначе, мы увѣрены въ томъ, нашли бы мы не мало подобныхъ же поученій и увѣщаній пасомыхъ пастырями не предаваться мирскимъ забавамъ.

Въ царствованіе царя Ивана Васильевича Грознаго собранъ былъ на Москвѣ соборъ при преосвященномъ Макаріи, митрополитѣ Московскомъ, изъ девяти архіепископовъ и епископовъ, всѣхъ архимандритовъ и игуменовъ.

Этотъ соборъ, между прочимъ, весьма энергически возсталъ противъ мирскихъ увеселеній и приводитъ въ доказательство своей правоты въ этомъ вопросѣ тѣ же постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, которыя выписаны нами выше, и наконецъ опредѣляетъ:

„Сего ради отрицають вся божественныя писанія и священныя правила всякое играніе и зервъ, и шахматы, и тавлѣи, и гусли, и смыки, и сонѣли, и всякое гудѣніе, и глумленіе, и позорище, и плясаніе, рече бо Господь: „Горе вамъ събѣющимся нынѣ, яко восплачете и возрыдаете“²⁾).

¹⁾ Стоглавъ, изд. Д. Е. Кожанчикова, С.-Пб. 1868, Глава 44, стр. 283.

052025

И тамъ же даѣе читаемъ:

„О вгрищахъ еллинскаго бѣсованія.

„И того ради по священнымъ правиламъ и по заповѣдямъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ всѣмъ православнымъ христіаномъ на таковая еллинскія бѣсованія не ходити ни въ градахъ ни въ селомъ и о томъ благочестивому царю по всѣмъ градохъ и по селомъ свою заповѣдь учинити, чтобы православные христіане на таковыя бѣсованія не сходились и то бы проклятое еллинское бѣсованіе впередъ поправно было до конца¹⁾).

Отъ XVII столѣтія у насъ имѣется слѣдующій интересный документъ.

Въ 1649 году верхотурскій воевода Равъ Всеволожскій посылаетъ наматъ приващнику Ирбитской слободы съ приказаніемъ объявить царскій указъ нижеслѣдующаго содержанія:

„Чтобы въ Ирбитской слободѣ мірскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣтя.... отъ безмѣрнаго пьянаго питья уклонились и были въ трезвости, и свомороховъ съ допрами и съ гуслями и съ волянками и со всякими играми.... въ домъ къ себѣ не призывали.... и зернью и картами и шахматами и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили, и никакихъ бѣсовскихъ дѣлъ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и сами не плясали, и въ ладоши не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ никакихъ не качались, и на доскахъ мужескій и женскій полъ не скакали, и личить на себя не на кладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ не варжали, и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали.

„А гдѣ объявятся домы и сурны и судки и гусли и хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды и тебѣ бы то все не вѣтъ вынимать и, изломать, тѣ бѣсовскія игры сжечь; а которые люди отъ того отъ всего богомерзкаго дѣла не отстадутъ и учинуть впередъ такова богомерзкаго дѣла держаться, и тебѣ бѣ по государеву указу тѣхъ людямъ чинить наказаніе: гдѣ такое въ Ирбитской слободѣ безчиніе объявится, или кто на кого

¹⁾ Ibidem, стр. 202.

такое безчynie скажетъ, и ты бы тѣхъ людей велѣлъ бить батоги⁴⁾).

Что же касается того, что указъ этотъ исходитъ отъ свѣтской, а не отъ духовной власти, то это возраженіе не можетъ имѣть мѣста, ибо цари русскіе, унаслѣдовавшіе отъ византійскихъ императоровъ ихъ самодержавіе, въ таинствѣ муропомаланія пріемлютъ отъ Бога не только власть свѣтскую, но и право высшаго народнаго охранителя и защитника церкви.

По выраженію одного византійскаго писателя — „императоръ есть лицо священное, какъ глава народа, которому Церковь не отказываетъ ни въ чемъ, кромѣ совершенія богослуженія“.

Такъ было въ старину; такъ строго русская православная Церковь осуждала даже довольно невинныя забавы и увеселенія, считая ихъ не соответствующими достоинству и долгу христіанина.

Что же мы видимъ въ настоящее время, въ концѣ XIX вѣка, — вѣка пара и электричества, и торжества людской гордыни и безумія вездѣ, между прочимъ и въ нашей родинѣ?

Забывъ отеческіе заветы, преданія старины, стараясь перенять все, что видѣли и видимъ у иноземцевъ, позабывали мы у нихъ и великую страсть ихъ къ театральнымъ зрѣлищамъ, какахъ и не знали наши предки.

Теперь трудно даже перечислить всѣ роды театральныхъ зрѣлищъ и увеселеній, которымъ со страстью предаются наши соотечественники, нисколько не внимая гласу Церкви.

Но если измѣнились обычай у свѣтскихъ людей, у мірянъ, если они не хотятъ быть въ единомъ стадѣ Христовомъ, если не хотятъ подчинить свою разнузданную волю спасительнымъ правиламъ православной Церкви, то не таково наше духовенство.

И теперь представители современнаго духовенства достойно исполняютъ свой долгъ пастырей Христова стада, и ни одно изъ духовныхъ лицъ, чьи мнѣнія о театральныхъ зрѣлищахъ намъ приходилось просматривать, не рѣшается одобрить ихъ и сознательно посылать вѣрующихъ на лицезрѣніе ихъ.

Напротивъ того, всѣ они, представители современнаго православнаго духовенства, достойные преемники великихъ учителей Церкви, свѣтильники земли русской, пастыри, вѣрные

⁴⁾ Акты Историческіе. Т. IV, № 85.

завѣту Христа пасти оныя Его, все они высказываютъ единогласное осужденіе театральнымъ зрѣлищамъ, и если, осуждая нѣкоторыя изъ нихъ, какъ совершенно *разрешимыя*, они снисходительнѣе относятся къ другимъ, болѣе невиннымъ, то это исключительно по великой, истинно христіанской снисходительности къ слабости челоуѣка.

Но и здѣсь, *допуская* христіанъ до посѣщенія нѣкоторыхъ зрѣлищъ, наши пастыри убѣждаютъ не забывать при этомъ ни установленій, ни обычаевъ Церкви и не приносить ихъ въ жертву невольной страсти къ зрѣлищамъ.

Если убѣжденія и убѣжденія представителей нашего духовенства нивогда остаются безъ результата на практикѣ, то это происходитъ, вопервыхъ, оттого, что, какъ мы выше замѣтили, большинство нашего „образованнаго“ общества и не знаетъ про это, игнорируя духовные журналы, изъ которыхъ многіе и недоступны пониманію лицъ, воспитанныхъ на узко-тенденціозныхъ статейкахъ свѣтскихъ „либеральныхъ“ органовъ, а вовторыхъ, потому что вслѣдствіе упадка церковной дисциплины и вслѣдствіе иныхъ причинъ, отъ вѣка зависящихъ, духовная власть лишена почти совершенно возможности прибѣгать къ церковнымъ наказаніямъ, епитиміямъ, отлученію на извѣстное время, сообразно тяжести грѣха.

Возобновленіе этого древняго обычая святой православной Церкви и большая строгость въ его примѣненіи принесла бы не малую пользу, но нашему мнѣнію.

Если страхъ церковнаго наказанія не удержитъ отъ грѣха тѣхъ несчастныхъ, которые совершенно уже потеряли благодатную способность вѣры, то онъ, навѣрно, не допуститъ до виденія въ грѣхъ очень многихъ вѣрующихъ, но слабыхъ и легко поддающихся соблазнамъ міра.

„Недостатокъ церковной дисциплины уподобляетъ Церковь винограднику, у котораго ограда во многихъ мѣстахъ попорчена: всякій входитъ и выходитъ, когда ему угодно, и потому перестаетъ цвѣти самый виноградникъ съ его плодами“¹⁾.

Разсмотримъ же подробнѣе, какъ относится современная намъ православная Церковь, въ лицѣ своихъ пастырей, къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ; какія изъ нихъ она допускаетъ, какъ невинныя, и какія осуждаетъ совершенно.

¹⁾ Прав. Обозр. 1885, № 2: „О современномъ отчужденіи отъ церкви“.

Скажем на первых же порахъ, что знаменитая формула: *театръ есть школа народа* — не находить себѣ сочувствія въ нашихъ духовныхъ пастыряхъ, и они энергически встаютъ противъ такого соединенія словъ: *театръ и школа*.

Святитель Московскій Филаретъ, чье мнѣнiе для насъ особенно дорого, ставитъ зрѣлища въ числѣ факторовъ, вредныхъ для общественной нравственности. Онъ прямо говоритъ: „литература¹⁾, зрѣлища, вино губительно дѣйствуютъ на общество²⁾“.

Преосвященный Александръ, бывшій епископъ Дмитровскій³⁾ чья брошюра „По вопросу объ устройствѣ для народа театровъ“ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду матеріаловъ, которыми мы пользовались, говоритъ: „вредъ отъ зрѣлищъ много, а пользы никакой!... тѣмъ болѣе для людей мало-развитыхъ и особенно слабыхъ волей, для которыхъ они могутъ служить пагубой и мѣстами, способствующими къ развращенiю сердца и воли“. — „Эти люди (въ особенности населенiе фабрикъ и заводовъ, „нахватавшееся нѣсколько грубой городской цивилизаціи“) что иное вынесутъ отсюда, какъ не большее закрѣпленіе въ грубости чрезъ развитіе большихъ и большихъ страстей и какъ бы освященіе ихъ⁴⁾“.

„Зрѣлища и различныя увеселенія не ведутъ къ доброму, не только не полезны, но прямо вредны. Страшно слышать, что театръ есть школа, и для кого же? для христіанина! Это есть просто плодъ ученій, отрѣшившихся отъ религіозныхъ основъ, или такъ называемой независимой нравственности, проповѣдуемой на Западѣ, совершенно фантастической⁵⁾“.

Мотивы, на основаніи которыхъ современная Церковь находитъ нужнымъ осуждать *вообще* всякія театральныя забавы, исходятъ изъ того положенія, что такъ называемыя свѣтскія развлеченія не достойны высокаго званія христіанина.

1) Литература, конечно, не въ высокомъ, благородномъ значеніи этого слова, не творчество, не поэзія, а тѣ частью развратныя, частью либеральныя, противогосударственныя писанія, которыя наполняютъ большинство современныхъ органовъ печати. Къ разсмотрѣнію этого рода вредной и опасной литературы и переходитъ далѣе Филаретъ, обвиняя такую литературу въ томъ, что она, „поглощая вниманіе и время, отвлекаетъ отъ чтенія книгъ основательныхъ, дѣлаетъ умы поверхностными“.

2) Госуд. ученіе митр. Филарета. 1888 г. Изд. 3-е. Стр. 163.

3) Преосвященный Александръ. Брон. „По вопросу объ устройствѣ для народа театровъ“. М. 1889. Стр. 3—4.

4) *Ibidem*, стр. 24.

Это же условіе приводилось, какъ мы видѣли выше, и отцами византійской Церкви и древне-русскими пастырями.

„Что такое увеселеніе?“ спрашиваетъ одинъ изъ представителей духовенства и даетъ такой отвѣтъ:

„По самому общему сужденію, оно есть легкая, пріятно-занимающая и улаждающая насъ дѣятельность нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Увеселеніе есть такое состояніе духа и тѣла, въ которомъ мы принимаемъ отъ другихъ лицъ и предметовъ пріятно улаждающія насъ¹⁾ впечатлѣнія“.

И далѣе:

„Увеселеніе никоимъ образомъ не можетъ имѣть характера не только христіанской, но и естественной добродѣтели, замечательной. Добродѣтель есть трудъ, увеселеніе есть отдыхъ. Добродѣтель требуетъ собранности духа, большого или меньшаго напряженія силъ; увеселеніе есть развлеченіе, послабленіе уставшихъ отъ дѣятельности силъ“²⁾.

Хорошо, если бы такъ, если бы увеселеніе играло только роль отдыха отъ труда, если бы оно не принимало вида страсти опасной, могущей „служить проводникомъ въ царствіе нечестія“³⁾.

Нашъ народъ въ простотѣ своей душевной вѣры лучше всего оцѣнилъ театральныя забавы, „почиталъ ихъ грѣхомъ, средствомъ празднаго и вреднаго провѣденія времени“⁴⁾.

И въ этомъ отношеніи очень ошибаются тѣ кто считаютъ театры и прочія увеселенія необходимой принадлежностью „цивилизовавшаго“ общества.

Вѣрнѣе будетъ сказать, что обиліе увеселеній и театровъ, что большая или меньшая страсть къ нимъ служатъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ высоты нравственнаго уровня въ народѣ.

Чѣмъ меньше театровъ, чѣмъ болѣе посвящены они исключительно *искусству*, чѣмъ меньше страсть къ зрѣлищамъ — тѣмъ выше, значить, уровень общественной нравственности.

„Нужно подумать всѣмъ благомыслящимъ людямъ“, пишетъ пресвященный Александръ, „не объ увеличеніи числа зрѣлищъ

1) И искусственно раздражающія наши большие нервы. *Прим. автора.*

2) См. Душеполезное Чтеніе 1864 г. № 4: „О благотворительныхъ увеселеніяхъ“, протоіерея А. Ключарева.

3) Душен. Чт. 1872, № 10: Слово къ врандичамъ Воздвиженія — священ. Печева.

4) *Ibidem.*

и особенно для народа, а о томъ, не лучше ли какъ-нибудь ограничить и существующія зрѣлища во время представлений¹⁾.

Предаваться развлечениямъ и увеселениямъ, которыя вообще всё почти, каковы бы они ни были и въ какое бы время они ни совершались, не могутъ быть названы совершенно невинными, значить уклоняться отъ главной цѣли жизни вѣрующаго христіанина.

„Какъ будто бы цѣль жизни христіанина театръ и гуляніа, — а вѣтъ ихъ, позвай въ клубъ, объѣдайся и болтай всякій вздоръ, вли садись за карточный столъ, или танцуй до пота лица — и это у людей порядочныхъ, даже степенныхъ!²⁾).

Церковь не можетъ понять этого пристрастія, этой дикой страсти къ вѣчному развлеченію, къ вѣчнымъ забавамъ.

„Что ни говорите, — вѣщаетъ она устами одного изъ своихъ пастырей, — въ пользу мірскихъ развлеченій, а слово Писанія непреложно истинно: „блаженъ человекъ, иже обрѣте премудрость, и смертенъ, иже обрѣте разумъ: честнѣйша бо есть каменій мнооцѣнныхъ. Долота дней въ правой рукѣ ея, въ лвой же богатство и слава. (Притч. 3-я гл.). Гоняя же праздность, насытитися нищетою (28, 19)³⁾).

Страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ, помимо того, что она недостойна христіанина, опасна еще тѣмъ, что, будучи во мнѣніи большинства людей совершенно безвредна, на самомъ дѣлѣ можетъ повлечь за собой самыя нежелательныя для общества послѣдствія: „возбужденіемъ грѣховныхъ желаній изгоняется мысль о Богѣ и заглушаются требованія нравственнаго чувства⁴⁾).

Это мнѣніе, что пристрастіе къ мірскимъ увеселениямъ изгоняетъ у человека мысли о Богѣ, отвлекаетъ ихъ отъ Церкви, неоднократно высказывается нашими пастырями, и оно заслуживаетъ особеннаго вниманія въ настоящее время, когда столь многое во всѣхъ областяхъ жизни человека отвлекаетъ его отъ Церкви.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ указаній на этотъ счетъ.

¹⁾ Брошюра „По вопросу объ устр. для народа театровъ“, стр. 16.

²⁾ Думовъ. Чт. 1864 г. № 8, ст. „Великій постъ“.

³⁾ Думовъ. Чт. 1876 г. № 1: „Объ употребленіи времени“ свщ. Вѣлодѣдова.

⁴⁾ Думовъ. Чт. 1863 г. № 8: Поученіе о неблаговременныхъ и невротойныхъ увеселеніяхъ — архимандр. Порфирія, стр. 107.

„Пристрастіе къ театральнымъ зрѣлищамъ предосудительно во всякое время, ибо, какъ показываетъ опытъ, оно соединяется съ охлажденіемъ души къ дѣламъ благочестія, съ отвлеченіемъ ея отъ богомыслія и самоиспытанія“¹⁾.

Тотъ же авторъ въ другой своей статьѣ говоритъ:

„Равнымъ образомъ, кто привыкъ брать нравственные уроки изъ сценическихъ представлений, искусственно раздражающихъ воображеніе и чувство, тотъ, какъ показываетъ опытъ, тяготеетъ ученіемъ нравственности, когда оно предлагается ему въ чтеніи слова Божія, въ церковныхъ поученіяхъ“²⁾.

Пристрастіе къ удовольствіямъ, доставляемымъ театромъ, „заглушило въ человѣкѣ релігіозныя потребности, притупило вкусъ къ нимъ“, говоритъ свящ. Нечаевъ въ своей статьѣ „Театральныя увеселенія и великій востъ“.

Онъ же приписываетъ „неуспѣхъ проповѣди въ городахъ и вообще неохоту къ нравственно-релігіознымъ бесѣдамъ“ вліянію театральныхъ зрѣлищъ, даже и тѣхъ, которыя принято считать невинными.

Нельзя не согласиться, что, пожалуй, это и такъ.

Нельзя служить двумъ господамъ — Церкви и театру.

Тотъ, кто пристрастился къ театру, начинаетъ нерадѣть о Церкви и отказывается отъ духовной пищи, которую она ему предлагаетъ въ видѣ участія въ общественно-богослуженіи, въ видѣ церковныхъ поученій и собесѣдованій.

Онъ привыкъ къ привадамъ театральныхъ поученій; благородно-возвышенныя, но вострыя слова Церкви не трогаютъ его умъ и сердце.

А между тѣмъ развѣ мало этихъ добровольно отказывающихся отъ духовной пищи?

Не мало, ибо театръ для многихъ сдѣлался такой же потребностью, какъ для всѣхъ людей пища и питье.

У одного французскаго писателя намъ пришлось прочесть высказанное имъ мнѣніе, что *культъ театра есть релігія современнаго человечества*.

Жалкая релігія! Жалкое человечество!

¹⁾ Душен. Чт. 1876, № 3: „Театральныя увеселенія и великій востъ“, свящ. Нечаева (инокъ пресвященнаго Виссаріона, епископа Костромскаго), стр. 401—402.

²⁾ Душен. Чт. 1863, ноябрь: „Занятія увеселенія свѣтскихъ людей“ свящ. Нечаева, стр. 240—241.

Но что же это? Знаменіе времени?

Да и недоброе.

„Это показываетъ, — говоритъ одинъ духовный пастырь, — что сердце наше становится далеко отъ Бога, ибо не въ Немъ, Красотѣ неописанной, не въ Немъ — Сокровищѣ безцѣнномъ ищемъ себѣ радости, а въ предметахъ, услаждающихъ одни внѣшнія чувства: слухъ, зрѣніе. Сердце наше безраздѣльно должно принадлежать Христу, а любовь къ свѣтскимъ развлеченіямъ отторгаетъ сердце отъ Христа. Было бы жестокой ошибкой думать, что пристрастіе къ свѣтскимъ развлеченіямъ можетъ совмѣщаться съ служеніемъ Христу. Христосъ велитъ отвергнуться себя и вести крестъ, а крестникамъ ли путемъ желаетъ идти ищущій однихъ развлеченій. Въвѣсть съ пристрастіемъ къ свѣтскимъ развлеченіямъ является сначала охлажденіе, а потомъ даже *отвращеніе* ко всему духовному, убивается расположеніе къ молитвѣ и размышленіямъ о Богѣ, о вѣчности, о грѣхѣ. Душа замедляетъ и вся погружается въ суету¹⁾).

Не должно поэтому христіанину, вѣрующему предаваться тому, что отвлекаетъ его отъ Бога, отъ исполненія его прямыхъ обязанностей — религиозныхъ. Такъ осуждаетъ современная намъ Церковь православная даже невинныхъ зрѣльницъ, убѣждаетъ вѣрующихъ держаться дальше отъ нихъ, не предаваться имъ по крайней мѣрѣ до забвенія всего и предлагаетъ другія христіанскія развлеченія и удовольствія, — удовольствія духовныя и полезныя.

„Помните, — говоритъ свящ. Шумовъ, — что есть удовольствія чистыя и свѣтыя; ихъ любите, къ нимъ приступайте. Удовольствія эти — храмъ, молитва, добрыя бесѣды, доброе чтеніе, помощь бѣдному, побѣда надъ собой, искорененіе въ себѣ грѣховныхъ привычекъ. О, сколько здѣсь отрады, утѣшенія, — испытайте и узнаете. Но если вы не такъ совершенны, чтобы любить болѣе всего это, то вотъ мѣста для удовольствій чистыхъ, невинныхъ: семейный очагъ, родственныи кругъ, общество единомысленныхъ по Христу знакомыхъ. Ищите ихъ здѣсь и найдете²⁾).

¹⁾ Думев. Чтеніе 1885 г. февраль: „О пристрастіи къ свѣтскимъ развлеченіямъ“ свящ. Шумова.

²⁾ Ibidem.

Тѣмъ болѣе совѣтують пастыри наши прибѣгать къ этимъ мирнымъ удовольствіямъ, что свѣтскія развлечения не даютъ истиннаго веселія.

„Ищущій ихъ находитъ веселіе ложное, похожее на веселіе отъ пьянства. Онъ веселъ, пока находится въ чадѣ самаго удовольствія; но пусто, мрачно дѣлается у него на душѣ, когда онъ остается одинъ самъ съ собой¹⁾).

Церковь, осуждая зрѣлища, вполнѣ сочувственно относится къ тѣмъ развлечениямъ, которыя христіане могутъ находить дома, у мирнаго очага, въ кругу жены, дѣтей и добрыхъ друзей.

„Можно и въ гости сходить и къ себѣ гостей принять, — говорить Церковь устами своего пастыря, — но только отнюдь не для пьянства и т. п., а для доброй дружеской бесѣды, для занятій полезнымъ чтеніемъ...²⁾).

„Церковь никогда не вооружалась противъ чистыхъ удовольствій, такъ же какъ противъ искусствъ, которыя необходимы человѣку, какъ соль и масло въ пищу. Грѣхъ не въ искусствѣ и удовольствіяхъ, не въ музыкѣ, не въ изищной одеждѣ, а въ тщеславіи и развратѣ, коимъ они часто служатъ орудіемъ или пищею, и въ излишествѣ, въ пристрастіи, съ коимъ часто предаются имъ до забвенія высшихъ обязанностей и своего истиннаго достоинства³⁾).

Эти слова очень знаменательны.

Церковь не осуждаетъ искусствъ.

И осуждать не можетъ, ибо въ самомъ понятіи искусства заключается стремленіе человѣка къ идеальному, къ высшему, къ божественному.

„Мы не идемъ противъ наслажденій эстетическихъ⁴⁾, говорить преосвященный Александръ въ своей выше цитированной брошюрѣ, т. е. противъ наслажденія искусствомъ.

Это особенная черта современной Церкви, — она отличаетъ область искусства отъ области зрѣлищъ.

Древній міръ не зналъ области чистаго искусства, или, вѣрнѣе сказать, оно выражалось у него бессознательно, ибо онъ не зналъ истиннаго Бога.

Искусство во всѣхъ его видахъ — музыка, поэзія, живопись, скульптура — какъ высшее проявленіе творчества человѣче-

1) Ibidem.

2) Душен. Чт. 1876, № 1: „Объ употребленіи времени“, слав. Вязовцова.

3) Душен. Чтеніе 1866 г. № 8: „Доблестная жена“ Д. Державина, стр. 285.

скаго духа, творчества, согрѣтаго искрой вѣры, есть продуктъ христіанства.

Искусство возросло на христіанской почвѣ и на ней достигло своего наивысшаго развитія; и на Западѣ отягло оно въ совершенно уже законченныя формы, дальше которыхъ идти не можетъ: дальше Рафаэля въ живописи, дальше Моцарта въ музыкѣ, дальше Шекспира въ поэзій.

Формы, вѣщность могутъ улучшаться съ технической стороны дѣла, но духъ, оживлявшій творенія перечисленныхъ гениевъ, отлетѣлъ, какъ отлетаетъ и вся жизнь духовная отъ состарившагося и разлагающагося Запада.

Этотъ упадокъ искусства сознавъ уже и на Западѣ многими, но они могутъ только констатировать фактъ, а измѣнить его не въ силахъ. Не въ человѣческихъ силахъ воскресить мертвеца.

„Наше современное изобразительное и драматическое искусство, — говоритъ одинъ западный писатель¹⁾, — въ отрасляхъ живописи, музыки и театра всецѣло покоится на базисѣ теоретическаго матеріализма и образуетъ собой услужливое проведеніе его въ практику“.

Что же изъ этого выходитъ?

Отвѣтимъ словами нашего знаменитаго, къ несчастью столь рано почившаго, архипастыря, преосвященнаго Никанора, епископа Херсонскаго и Одесскаго.

„На мѣстѣ Духа Божественнаго, безконечнаго, вѣчно живого, поставляется современнымъ руководящимъ сознаниемъ ничтожество, и породиться этимъ ничтожествомъ можетъ только ничтожество. Безъ вѣчно живого идеала безконечнаго вѣтъ и не можетъ быть искусства, ибо истинное искусство было и должно быть духовнымъ служеніемъ животворящей идеѣ безконечнаго“²⁾.

Очередь за Россіей, она должна явить міру свое искусство, несомнѣнно еще высшее западнаго, насколько православіе чище и возвышеннѣе католицизма и протестантизма.

¹⁾ Тодтъ. Подробнѣе о его сочиненіи по вопросу объ отношеніи Церкви къ общественной жизни см. въ Правосл. Обзорѣніи 1885, №№ 2, 5, 6, статью: „О современномъ отчужденіи отъ Церкви“.

²⁾ Православное Обзорѣніе 1885, № 10: Поученіе преосвященнаго Никанора при посвященіи въ Одессѣ званія Общества изящныхъ искусствъ, стр. 217.

Очень можетъ быть, что время жить міру свое собственное русское искусство наступило бы уже для Россіи, если бы она не потеряла цѣлыхъ 200 лѣтъ въ безплодномъ и вредномъ слѣдованіи по путямъ Запада, въ бессмысленномъ подражаніи чужимъ формамъ быта, въ поклоненіи чужимъ идеаламъ и въ небреженіи своихъ.

О томъ, какъ относится Церковь наша къ области искусства, лучше всего можно судить по слѣдующему мѣсту изъ одного поученія преосвященнаго Никанора, который всегда такъ горячо и беззаветно-преданно отстаивалъ насущные интересы Церкви и государства отъ нападений на нихъ со всѣхъ сторонъ¹⁾.

„Нужно признать, вопервыхъ, что богоугодные и богопросвѣщенные мужи не чуждались изящныхъ искусствъ, поэзіи, музыки, пѣнія, зодчества, ваянія...“

И далѣе:

„Признаю всеми и всюду, что истинное художество есть высокой даръ Божій“. „По естественному самолюбію, — говоритъ преосвященный Никаноръ, — всякій любитъ быть сытымъ, одѣтымъ, прикрытымъ въ удобномъ жилищѣ; любитъ видѣть и слышать пріятное. Изъ этой естественной потребности самолюбія истекають заботы сперва объ удовлетвореніи естественныхъ нуждъ тѣлесныхъ; затѣмъ требованіе лучшихъ удобствъ въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ, въ устройствѣ жилищъ; требованіе не неприятныхъ ощущеній относительно окружающихъ видовъ и звуковъ; затѣмъ уже требованія утонченнаго вкуса по роскоши въ столѣ, въ одеждѣ, въ убранствѣ домовъ, по части живописи, скульптуры, по музыкѣ, по театральнымъ зрѣлищамъ и всякимъ потѣхамъ. Всею ли этому христіанство можетъ сочувствовать? Съ другой стороны все ли это христіанствомъ и отрицается, какъ богопротивное и не нравственное? Нѣтъ. Въ постепенности человѣческихъ дѣяній, склонностей и чувствъ христіанство устанавливаетъ постепенность и точекъ зрѣнія: отъ нетерпимаго и воспрещаемаго, черезъ терпимое и дозволенное къ одобряемому и заповѣдуемому и до идеально-прекраснаго.

„И въ мастерствахъ и въ художествахъ и въ искусствахъ —

¹⁾ Вспомнимъ хотя бы его замѣчательныя бесѣды противъ разрушительныхъ для Церкви и государства вѣсаній графа Л. Толстого. *Прим. автора.*

необходимое для удовлетворенія естественнаго самолюбія въ извѣстныхъ предѣлахъ дозволяется и терпится; развивающее, смягчающее, возвышающее вслѣдъ за изысканымъ вкусомъ также и нравственное чувство, то благословляется; указывается же какъ высшій идеалъ то, что служитъ къ развитію беззавѣтнѣйшей, асепраданной, всепоглощающей душу и сердце, и мысль, и все существо человека, любви къ Существу Высочайшему, а затѣмъ къ развитію и самоотверженной любви къ ближнему. Но все, что отклоняется отъ этого идеала и въ какой мѣрѣ отклоняется, тому и въ той мѣрѣ Евангеліе Христово не сочувствуетъ. Не можетъ слово Божіе сочувствовать тому, что Соломонъ такъ глубоко знаменательно обозвалъ *суетою суеты*¹⁾.

Мы нарочно сдѣлали столь большую выписку, потому что мы нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не нашли столь ясно выраженнаго взгляда православной церкви по интересующему насъ предмету.

Все, что входитъ въ область идеальнаго „христіанскаго“ искусства, то терпитъ Церковь въ *предѣлахъ дозволеннаго*, то-есть съ тѣмъ, чтобы люди, предаваясь служенію искусству не забывали своихъ *вмѣстѣ* религиозныхъ обязанностей.

Вопросъ въ томъ: вышшія театральныя зрѣлища и такъ называемыя свѣтскія увеселенія, т.-е. балы, маскарады, цирки и пр. и пр., имѣютъ ли хоть какое-нибудь отношеніе къ искусству? Положа руку на сердце, можно рѣшительно отвѣтить, что *нѣтъ!*

У насъ въ Россіи Императорскіе театры наиболѣе строго слѣдятъ за своимъ репертуаромъ, но и на нихъ за послѣдніе годы не появилось ничего, что бы имѣло близкое отношеніе къ искусству, какъ къ „духовному служенію животворящей идеи Божества“.

Но что сказать о другихъ зрѣлищахъ, которыми пробавляются частныя театры, даже, такъ называемыхъ, невинныхъ, не соблазнительныхъ, не рассчитанныхъ спеціально на низкія страсти человека.

Къ нимъ св. Церковь не можетъ относиться одобрительно.

1) Православное Обозрѣніе. 1885 г., № 10, стр. 231.

Если эти зрѣлища не принесутъ прямого вреда, то не принесутъ и пользы, а во всякомъ случаѣ будутъ содѣйствовать развитію душевной пустоты и возникновенію легкаго отношенія къ дѣламъ вѣры и нравственности.

А ничто такъ не опасно въ нравственной жизни, какъ полудобродѣтель, полустинна; онѣ опаснѣе голаго порока, открытаго зла.

Выше мы сказали, что названіе театра „школой распутства“, данное отцами Церкви вполнѣ приложимо къ большей части современныхъ театральныхъ зрѣлищъ.

Конечно, *такія* зрѣлища, *такія* увеселенія не могутъ быть вовсе терпимы Церковію. Она не только не одобряетъ посѣщенія ихъ вѣрующими, но горячо убѣждаетъ общество совершенно отказаться отъ такихъ зрѣлищъ, соединить всѣ усилія, чтобы искоренить ихъ совершенно и навсегда, какъ явленіе, позорящее нашъ вѣкъ, какъ не достойное христіанскаго образованнаго общества.

Въ 1872 году свщ. Нечевъ, вѣн. пресвященный Виссарионъ, писалъ:

„Нѣкоторые изъ частныхъ театровъ, существующіе въ Москвѣ и Петербургѣ, не должны быть даже терпимы, если справедливо¹⁾ все то, что говорятъ о безнравственности и безстыдствѣ господствующихъ въ нихъ увеселеній²⁾).

Мы бы могли привести много примѣровъ безнравственности и безстыдства вѣнхъ сценическихъ представленій изъ разныхъ частныхъ театрахъ и увеселительныхъ заведенійхъ, но мы не желаемъ придавать нашей брошюрѣ скабрешный характеръ, что неминуемо случится, если мы будемъ рассказывать о томъ, что дѣлается у насъ *публично* въ вѣнхъ театрахъ.

Всякій желающій можетъ проверить это лично.

Могутъ ли быть, не говоря о полезны, но безвредны *такія* представленія, рассчитанныя на самыя низкія страсти человѣка?

Нѣтъ.

„Отъ нихъ, какъ отъ огня, говоритъ пресвященный Александръ въ своей брошюрѣ, разжигаются и воспламеняются плотскія страсти, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ терлетъ вѣру въ увлеченіяхъ“³⁾.

¹⁾ Вполнѣ справедливо и теперь.

Прим. автора.

²⁾ Душен. Чт. 1872 г. № 10, Слово изъ узда. Возмуженія. примѣчаніе на стр. 197.

„Это¹⁾ нравственный адъ, разбѣдающій постепенно нравственную сторону любителей такихъ представлений и отрицающій ихъ до потери самосознанія.

„Не отсюда ли такія печальныя явленія въ наше время — непокорность родителямъ, отрицаніе власти, нерѣдкіе разрывы семейной жизни, небреженіе въ воспитанію дѣтей, какая-то жизненная тоска, недовольство жизнью, самоубійства.

„Это плоды поверхностной жизни, плоды усиденія и развитія страстей, питающихся и разжигающихся отъ зрѣлищныхъ представлений²⁾).

Прибавимъ отъ себя — это плоды нашего „либеральнаго“ отношенія ко всему серьезному и важному.

Эти возмутительныя, безнравственныя зрѣлища, терзаемыя и поощряемыя обществомъ, этотъ позоръ XIX вѣка, не имѣютъ себѣ оправданія ни въ чемъ, какъ и вообще пристрастіе къ зрѣлищамъ.

„Въ оправданіе, — говоритъ преосвященный Александръ, — ставится какое-то безсодержательное слово — „духъ времени“. Не лучше ли прямо и сознательно сказать: наша слабая и развращенная воля бессильна противъ ада³⁾).

Мы знаемъ, что Россія только что пережила тяжелый кризисъ въ своей тысячелѣтней исторіи.

Вмѣстѣ съ разрушительными либерально-анархическими идеями проникъ къ намъ съ Запада и духъ невѣрія, который и проявлялъ себя цѣлымъ рядомъ неуважительныхъ и прямо кощунственныхъ по отношенію къ Церкви выходокъ со стороны извѣстной части нашего общества.

Къ несчастію, эта привычка неуважительно относиться къ православнои Церкви, привычка кощунствовать надъ тѣмъ, что она считаетъ самымъ священнымъ и драгоценнымъ, настолько вкоренилась и въѣлась въ наши нравы, что еще недавно первопрестольная Москва была свидѣтельницей, какъ въ средѣ

¹⁾ Преосвященный Александръ, епископъ Дмитровскій, перечисляетъ эти развратныя зрѣлища и увеселенія. Приводитъ это перечисленіе: оно довольно полно. „Пехъ такими зрѣлищами главнымъ образомъ разуживемъ“, пишетъ онъ, „лѣтніе сады, эрмитажи (гдѣ распространено и пьянство — такъ одно къ другому близко), безнравныя цирки, маскарады, балеты, танцевальныя вечера, комическія представленія, оперетки и т. и.“ Стр. 8.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, стр. 15.

ученаго (?) общества, человекъ видимо образованный, имѣющій ученую степень, маящій себя философомъ (?), позволялъ себѣ, при аплодисментахъ присутствовавшей публики, съ непоколебимымъ говорить о святыхъ, почитаемыхъ Церковью и называть ихъ *монетами*.

И общество, присутствовавшее при этомъ, не только не протестовало, не только не *заставило* кошуна замолчать и взять свои слова обратно, но даже аплодировало ему, по крайней мѣрѣ въ большей своей части.

Что же мудренаго, если наши театры, частные, а иногда, къ прискорбію, и Императорскіе и другія увеселительныя мѣста въ своихъ зрѣлищахъ позволяютъ себѣ кошуство надъ святой Церковью и ея обрядами.

Какъ назвать это *преступленіе*? Оно до того возмутительно-скверно, что наше законодательство даже не предвидѣло его въ своихъ постановленіяхъ. Оно опредѣляетъ только, чтобы „въ общенародныя игры, забавы, театральныя представленія и пѣсни не включать и не употреблять поносительныхъ словъ или поступковъ, нарушающихъ благоаристотійность или накосящихъ кому-либо вредъ“¹⁾, но ни слова не говорить о кошуствѣ со сцены.

Очевидно, законодатель не могъ допустить даже мысли о томъ, что въ православной Россіи можетъ случиться что-нибудь подобное. Увы! — теперь это не въ рѣдкость.

„Какая иронія надъ православно-религіознымъ чувствомъ! — говорить по этому поводу преосвященный Александръ. — „То, что принадлежитъ святыни храма, святому чувству христіанина, переносится на арену театра, — то, что имѣетъ глубокое отношеніе къ идеѣ св. вѣры, предносится зрителямъ въ формѣ развлечения и удовольствія. Странное сочетаніе!

„Дозволяютъ явныя и малыя оскорбленія въ самыхъ высочайшихъ и дорогихъ чувствахъ, даже одобряютъ и рукоплещутъ этимъ насмѣшкамъ надъ собой“²⁾.

Преосвященный Александръ говоритъ здѣсь о кошуственныхъ представленіяхъ въ саду „Ормитажъ“ въ лѣто 1887 года. Но это только одинъ случай изъ цѣлой серіи подобныхъ же, не попавшихъ въ печать.

1) Уставъ о предупр. и пресѣв. преступленій. Изд. 1890 г. ст. 136.

2) По вопросу объ устройствѣ для народа театровъ, стр. 6.

Желющихъ познакомиться съ тѣмъ, до какихъ размѣровъ можетъ дойти глумленіе надъ обрядами Церкви на сценѣ, мы отсылаемъ къ № 163 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1887 годъ, гдѣ помѣщено письмо въ редакцію объ этомъ именно.

Скажемъ только, что дирекція этого театра осмѣлилась въ видѣ декораціи помѣстить на сценѣ *поддѣлку* подъ икону *Неруко-твореннаго Спаса*, съ сіяніемъ даже вокругъ чела; что на сценѣ одна артистка, пошла ломаясь и кривляясь, произносила священныхъ слова: *Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги его!*¹⁾

Мало этого: въ другой пьесѣ на той же сценѣ понадобилось вывести похоронную процессію съ крестомъ, хоругвями, духовенствомъ, пѣніемъ псалмовъ, колокольнымъ звономъ и съ гробомъ, окуриваемымъ енисіемомъ²⁾.

Сколько разъ даже на сценахъ Императорскихъ театровъ приходилось намъ видѣть монаховъ и духовныхъ лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, выставляемыхъ иногда въ комическомъ, непристойномъ видѣ.

Въ оперѣ Бойто „Мѣстоимель“ выведенъ монахъ, превращающійся въ чорта, тамъ же пляшущіе ангелы, на сценѣ иной съ Евангеліемъ!

Да всѣхъ глумленій не перечесть!

Но если такъ продолжалось до сего времени, если это сродило безнаказанно съ рукъ устроителямъ такихъ зрѣлищъ, то неужели такъ должно идти и впредь, въ надеждѣ, что будетъ еще хуже. Не пора ли прекратить это безобразіе, не пора ли правительству и обществу соединенными усиліями защитить и оградить Церковь отъ публичнаго поруганія.

Послѣднее еще хуже явной безаравственности въ зрѣлищахъ, ибо если подорвать въ народѣ уваженіе къ Церкви, къ ея обрядамъ, къ религіи вообще, такъ ужъ, конечно, нечего и думать о нравственности.

¹⁾ Въ прошломъ году со сцены опереточнаго театра мы сами сличали текстъ изъ св. Евангелія! Прим. автора.

²⁾ То обстоятельство, что по ходу пьесы это были похороны римско-католическаго вѣроисповѣданія, сути дѣла не измѣняютъ.

Когда въ 1853 году предположалось исполненіе на сценѣ Московскаго большаго театра ораторіи *Stabat Mater*, то митрополитъ Московскій Филаретъ возмущенъ духомъ и представлялъ высшему начальству замѣчаніе о неумѣстности исполнять церковныя пѣсни въ театрѣ. Смотри „Собраніе книгъ и отзавовъ Филарета, митрон. Московск. и Коломенск., по учебн. и церковно-государств. вопросамъ. Т. III. С. 116. 1855. № 376.

Намъ кажется (и мы основываемся на сужденіи святителя Московскаго Филарета), что ближайшая задача правительства, задача, за исполненіе которой великое *спасибо* скажетъ вся русская земля — это принятіе возможно скорѣе за самое энергическое искорененіе безразветвенныхъ и кощунственныхъ зрѣлищъ и увеселеній.

Святитель Филаретъ писалъ:

„Но если начальство зрѣлищъ, рассчитывая на позволительно къ нечистымъ удовольствіямъ людей, станетъ повторять подобныя (вредныя и чуждыя нравственности) зрѣлища и сильнѣе вводить чрезъ нихъ безстыдство и растлѣніе въ нравы, то правительство православно-христіанское будетъ ли свободно отъ отвѣтственности за сіе передъ Богомъ? Не лучше ли предупредить возникающее зло?“¹⁾

Мы хотѣли здѣсь же поговорить о томъ, какъ смотритъ св. православная Церковь на зрѣлища и увеселенія, совершаемыя съ благотворительной цѣлью (явленіе совершенно новое, неизвѣстное прежде), но недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ распространяться слишкомъ объ этомъ предметѣ.

Намъ остается еще рассмотреть важный вопросъ о зрѣлищахъ въ дни предпраздничные и великопостные. Скажемъ только, что Церковь устами своихъ представителей всякія зрѣлища, даваемые съ благотворительной цѣлью, рѣшительно осуждаетъ, какъ явленіе невозможное и противоестественное съ христіанской точки зрѣнія.

Свящ. Нечаевъ (просвященный Виссарионъ) называетъ благотворительныя увеселенія оскорбительными для Церкви²⁾.

По мнѣнію другого пастыря, благотворить неизменно при посредствѣ зрѣлищъ и увеселеній „значитъ изводить благотворительность со священной высоты на степень кормленія животныхъ... Этими увеселеніями (съ благотворительной цѣлью) оскорбляется, унижается, по выраженію св. Писанія *гулимся* не только высокая добродѣтель христіанскаго милосердія, но и Тотъ, Кто намъ заповѣдалъ ее, Кто указалъ намъ, какъ и въ какомъ духѣ она должна быть совершена“³⁾.

¹⁾ Государственное ученіе митрополита Московскаго Филарета. Изд. 3. 1866 г. Стр. 164 — 165.

²⁾ Душеп. Чт. 1864, № 3: Статя „Великій постъ“.

³⁾ Душеп. Чтеніе 1855, № 3: „О благотворительныхъ увеселеніяхъ“, прот. А. Ключарова.

Такъ судятъ представители современной православной Церкви о театральныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ въ дни будничныя, когда Церковь только ведущихъ *особо* строгую, православную жизнь призываетъ изъ храмы для молитвы. Но эти лица и такъ никогда не пойдутъ въ театръ ни на какое зрѣлище или увеселеніе.

Но бывають дни, когда св. Церковь зоветъ всѣхъ вѣрующихъ собраться въ храмъ, искренно, съ вѣрою принять участіе въ общественномъ богослуженіи, послушать слова Божія, запасться духовными силами на трудной подвигъ жизни — и въ это же время раскрываются широко двери театровъ, и тѣхъ же вѣрующихъ отклоняють отъ храма, зазывая ихъ на зрѣлища, завлекая соблазнительными, большей частью безнравственными, призраками. Если вообще зрѣлища предосудительны и не одобряются Церковью всегда и во всякое время, то съ ужасомъ останавливается она передъ зрѣлищами въ кануны дней праздничныхъ, воскресныхъ и въ дни посвященные посту. Что сказать объ этомъ? Какъ назвать это явленіе?

Какъ объяснить возможность его возникновенія въ православномъ государствѣ?

Какъ правительство и общество терпятъ такое поруганіе святости праздничныхъ дней?

Ибо назначеніе какого бы то ни было зрѣлища или увеселенія, будь то самая свѣршая оперетка или концертъ классической музыки, наканунѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ есть явное поруганіе святости этихъ дней; и какъ дающіе зрѣлище, такъ и присутствующіе на немъ участвуютъ *сознательно* въ этомъ поруганіи и, конечно, должны вѣсти за это отвѣтственность передъ судомъ Божиимъ.

Постараемся теперь передать сужденія объ этомъ представителей современнаго нашего духовенства, постараемся сдѣлать это возможно хладнокровнѣе, хотя трудно сохранить хладнокровіе и спокойствіе духа тамъ, гдѣ дѣло идетъ о поруганіи одного изъ самыхъ дорогихъ, самыхъ священныхъ чувствъ человѣка, чувства уваженія къ Церкви и ея завітамъ.

Что же мы за люди, подумаешь, когда мы терпимъ явное повошеніе того, до чего рука человѣческая не должна касаться и что должно ставиться *всегда* впереди *всѣхъ* нашихъ житейскихъ интересовъ.

Обычай праздновать и некоторые дни, т.-е. прекращать въ

нихъ всякую работу и посвящать свободное время на служеніе Богу и на совершеніе дѣлъ благочестія, есть обычай древнѣйшій и распространенный по всей землѣ¹⁾. Но какъ и всѣ обычаи, какъ и всѣ законы — и празднованіе опредѣленныхъ дней нарушалось и нарушается.

Но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что должно примириться съ этимъ фактомъ и не стараться бороться со зломъ.

Всѣ толкуютъ о *прогрессѣ*, о громадномъ шагѣ *впередъ*, сдѣланномъ нашимъ вѣкомъ.

Если такъ, то почему же не доказать, что и въ этомъ отношеніи, т. е. въ строгомъ соблюденіи праздниковъ и дней воскресныхъ, нашъ вѣкъ стоитъ впереди другихъ.

Тѣмъ болѣе, что причины, заставляющія нарушать святость дней праздничныхъ, очень несимпатичны.

Причины эти слѣдующія: корыстолюбіе, безрелигіозность, недостатокъ сознанія и пониманія важности праздниковъ и неуваженіе къ нимъ, слабость и неустойчивость преданія и обычая, касательно освященія праздниковъ, пристрастіе къ мирскимъ развлеченіямъ и чувственнымъ удовольствіямъ²⁾.

По церковному счету, обязательному, конечно, для всѣхъ вѣрующаихъ, день начинается съ вечера. Объ этомъ говорится еще въ Библии.

И бысть вечеръ и бысть утро — день первый...

Такъ повѣствуетъ Библия о твореніи міра.

Съ вечера начинается и чествованіе праздника.

Такъ и было на Руси встарь.

Въ „Уложеніи“ царя Алексѣя Михайловича читаемъ:

„А противъ воскресныхъ дней по вся субботы православнымъ христіаномъ отъ всякой работы и отъ торговли престати и ряды затворити за три часа до вечера.“

Да и въ господскіе праздники быти по тому жъ, какъ и въ воскресные дни³⁾.

Оттого Церковь не такъ возстаетъ противъ арлеизъ и увеселеній въ вечеръ самаго праздника, сколько противъ арлеизъ въ вечеръ наканунѣ праздника.

¹⁾ Смотри подробно объ этомъ въ сочиненіи А. Бѣляева: „О покоѣ воскреснаго дня“. Харьковъ. 1691.

²⁾ А. Бѣляевъ, „О покоѣ воскреснаго дня“, стр. 11.

³⁾ Уложеніе. Изд. 1769 г. Глава X, ст. 25, стр. 54.

Вечеръ передъ праздникомъ составляетъ неотъемлемую часть самаго праздника. Вечеръ праздничнаго или воскреснаго дня относится уже къ слѣдующему за тѣмъ дню.

Посѣщать зрѣлища и увеселенія въ вечеръ праздника не совсѣмъ хорошо съ строго-христіанской точки зрѣнія, но посѣщать театры и увеселенія въ вечеръ передъ праздникомъ — абсолютно грѣшно и составляетъ кощунство и нарушеніе святости праздника.

Митрополитъ Филаретъ такъ ревниво оберегалъ святость воскресныхъ дней, что не сразу даже согласился на открытіе воскресныхъ классовъ при одной фабрикѣ, и консисторія, которой онъ поручилъ навести справку по этому дѣлу, рѣшила, что преподаваніе свѣтскихъ наукъ (арифметика, начатки исторіи и географіи) есть дѣло дней непраздничныхъ. И если потомъ были разрѣшены воскресные классы, то только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ученики предъ классами обязательно присутствовали на литургіи, и самыя занятія начинались въ послѣдоуденное время.

Но тутъ вѣдь рѣчь идетъ не о зрѣлищахъ, во всякомъ случаѣ безполезныхъ для души христіанина, а о первоначальномъ обученіи бѣдныхъ дѣтей, которыя въ будни заняты на работѣ.

Свщ. Нечаевъ (преосвященный Виссаріонъ) писалъ:

„Какъ, напримѣръ, иначе, какъ не публичнымъ униженіемъ, поруганіемъ православной Христовой вѣры и Церкви должно назвать то, что театральныя представленія даются подѣ воскресные и праздничные дни“¹⁾.

Про лицъ, присутствующихъ на зрѣлищахъ и увеселеніяхъ въ предпраздничные дни, онъ говоритъ такъ:

„Что же для нихъ значитъ теперь христіанство? что церковь? Положеніе ихъ крайне вехорошо: произвольно отлучая себя отъ молитвеннаго общенія съ братьями своими по вѣрѣ въ церковныхъ собраніяхъ, они находятся въ опасности быть отлученными отъ Самого Христа и слѣдовательно отъ спасенія“²⁾.

Лица, которые даже убѣждены въ невинности зрѣлищъ и увеселеній въ дни предпраздничные и предвоскресные, не должны высказывать этого, чтобы не быть причиной соблазна.

¹⁾ Душев. Чт. 1872, № 10: Слово въ день Воздвиженія креста Господня.

²⁾ Душев. Чт. 1871, № 10: „Нѣчто объ Аламокой главѣ“, стр. 214.

„Если ваше убѣжденіе въ безгрѣшности театральныхъ увеселеній подѣ праздничные дни искренне¹⁾, говоритъ В. Печевъ, то берегите его про себя; если же будете уснаиваться распространять его въ народѣ, то въ случаѣ усліха вы вооружите только народъ противъ Церкви и поколебаете уваженіе къ пастырямъ Церкви²⁾, ибо ми одинъ пастырь Церкви на всей православной Руси не одобритъ того, въ чемъ вамъ удастся убѣдить простолюдина. Но, колебля уваженіе къ авторитету Церкви и ея служителей, вы отнимаете у народа источникъ его истиннаго просвѣщенія. Виѣ церкви, вдали отъ руководства учителей церковныхъ народъ долженъ или погрязнуть въ невѣжествѣ, или, что еще хуже, отдать себя на жертву ложному просвѣщенію со всеми его пагубными послѣдствіями.

„По ученію св. Апостола Павла, намъ должно воздерживаться отъ употребленія даже позволительныхъ вещей, чтобы нашимъ примѣромъ не увлекать ближнихъ вопреки ихъ совѣсти. Апостолъ совѣтовалъ христіанамъ изъ язычниковъ, чтобы они не позволяли себѣ ѣсть свиное мясо въ присутствіи мнѣтельныхъ на этотъ счетъ христіанъ изъ іудеевъ³⁾.

Но если одни изъ христіанъ не должны соблазнять другихъ, и эти другіе не должны позволять себѣ запрещеннаго только потому, что такъ поступаютъ многіе.

Тихонъ Задонскій въ убѣщаніи своемъ жителямъ Воронежа говорилъ:

„Что тебѣ до прочихъ? Ты внимай себѣ и спасенію твоему, а на прочихъ не смотри. Прочіе грѣшатъ, на которыхъ ты ссылаешься, и тѣмъ Бога прогнѣваютъ; ужели носему и тебѣ надобно грѣшнить? Прочіе погибаютъ, ужели и тебѣ надо погибать?“

Вотъ какъ говоритъ о театральныхъ зрѣлищахъ подѣ праздники знаменитый проповѣдникъ Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, въ словѣ своемъ, сказанномъ въ Харьковѣ, въ Троицннъ день.

„Гдѣ взять слезъ для оплаканія того, что случилось вчера во время вечерняго богослуженія? Какъ изобразить стыдъ и матерное сокрушеніе святой Церкви, радость и торжество

¹⁾ Въ чемъ позволительно сомнѣваться.

Прим. автора.

²⁾ А это только и нужно вѣтъ нашимъ „либераламъ“. *Прим. автора.*

³⁾ Душеп. Чт. 1872, № 10. Слово въ праздникъ Воздвиженія креста Господня. Стр. 196.

врага Божія, явное пренебреженіе славы Божіей, явное поклоленіе плоти и крови?...

„Итакъ вотъ къ чему приводитъ малое образованіе!...

„Напрасно святая Церковь праздничнымъ звономъ звала къ себѣ всѣхъ и каждого на молитву вечернюю... мы слышали это... и устремились, подобно малымъ дѣтямъ, не въ храмъ Божій, а къ мѣсту суетныхъ увеселеній!...

„Хотя бы съ іудеевъ взяли мы примѣръ, какъ праздновать намъ праздники...¹⁾

„Что мы сдѣлали? Пренебрегну Церковь, обезчестили праздникъ, посрамили вѣру, унизили великое имя Святыхъ Троицы. И ради чего? изъ какой необходимости или нужды? Чтобы услышать необыкновеннаго пѣвца? Можетъ ли быть извиненіе ничтожиѣ?²⁾

Церковь особенно жалѣеть при этомъ тѣхъ, которые по обязанности должны нарушать святость праздника, то-есть артистовъ и служащихъ при театрѣ.

Въ 1873 году въ словѣ: „Нѣчто объ Адамовой головѣ“, по поводу увеселеній подъ праздникъ Восдвиженія креста Господня, свящ. В. Нечаевъ говорилъ:

„Какко положеніе лицедѣевъ играющихъ для увеселенія публики подъ великій праздникъ креста Христова: они дѣлають дѣло истязателей Христа, скоморошески гаумившихся надъ Нимъ; но трудно думать, чтобы лицедѣи театра, если въ нихъ есть сколько-нибудь христіанскаго чувства, охотно играли въ то время, когда Церковь призываетъ всѣхъ къ слезамъ покаянія передъ распятымъ Христомъ. Многіе изъ нихъ вѣроятнo дѣлають это поневогѣ³⁾).

Дѣйствительно, намъ приходилось слышать на это жалобы даже со стороны артистовъ казенныхъ сценъ, гдѣ хотя наканунѣ воскресеній и большихъ праздниковъ и вѣтъ спектаклей, но гдѣ очень часто именно въ это время назначаются ренетіи.

Что такое постъ?

Постъ — это время, „когда всѣ чада Церкви должны облечься въ духовный трауръ, когда оплакиваніе грѣховъ, какъ вели-

¹⁾ Какой полоръ для христіанскаго общества! *Прим. автора.*

²⁾ Пресв. Александръ. „По вопросу объ устройствѣ для народа театровъ“. Стр. 25.

³⁾ Душен. Чт. 1871, № 10: „Нѣчто объ Адамовой головѣ“ стр. 213.

чайшаго изъ всѣхъ бѣдствій, должно сдѣлаться всевароднымъ¹⁾.

Отсюда прямо истекаетъ то, что не слѣдуетъ постомъ посылать какихъ бы то ни было свѣтскихъ увеселеній и театральнымъ зрѣлищъ.

Не время веселиться, когда вся Церковь въ слезахъ покаянія.

Только тотъ можетъ сознательно веселиться и развлекаться постомъ, кто уже раньше отдѣлился отъ Церкви, отрекся отъ нея и не имѣетъ съ ней болѣе ничего общаго.

Для такого человѣка всѣ дни равны.

Но если въ немъ есть благородство, если онъ можетъ еще уважать чужую совѣсть, чужіе обычаи и не глумиться надъ ними, то и онъ не пойдетъ въ театръ постомъ, чтобы вѣтъ не оскорбить вѣрующихъ. А если онъ добровольно на такое благородство не способенъ, то у правительства нашего есть отъ Бога дарованная власть принудить къ этому.

„Не станете же вы вести себя шутомъ и скоморохомъ въ томъ домѣ, куда понази на похороны, — говорятъ свѣц. Печаетъ въ цитированной выше статьѣ: „Театральныя увеселенія и великій постъ“²⁾. — Положимъ, вы попали сюда не по сердечному влеченію, сочувствію къ покойному и къ облагораживающимъ его, а только изъ приличія, по знакомству, по расчетамъ. Все же однако вы хоть наружно почтите чужую скорбь и не рѣшитесь обидѣть скорбящихъ виднымъ пренебреженіемъ къ нимъ. Заставьте же себя съ подобной *въжливостію* поступать въ отношеніи Церкви³⁾.

Дѣйствительно нельзя не согласиться, что посѣщеніе театровъ и увеселеній великимъ постомъ похоже на то, какъ если бы кто въ домѣ и въ комнатѣ, гдѣ стоитъ покойникъ, съ гармоникой въ рукѣ, въ шутовскомъ одѣяніи проплясалъ бы *камаринскую*.

Другого сравненія мы не находимъ.

„Времени великаго поста не совсѣмъ свойственнымъ даже духовныя радости, и Церковь находитъ нужнымъ умѣрять ихъ напоминаніемъ о скорби, свойственной этому времени, а мирскія радости и развлечения, въ родѣ театральнымъ представленій, явно идутъ въ разрѣзъ съ великимъ постомъ“⁴⁾.

1) Душев. Чт. 1876. №3: „Театральныя увеселенія и великій постъ“, стр. 404.

2) Душев. Чт. 1876, № 3: „Театральныя увеселенія и великій постъ“, стр. 405.

3) *Ibidem*, стр. 403.

„До ослзненія кино итакъ, что проводя постъ такимъ образомъ, мы оскорбляемъ святость его и чуть ли не обращаемъ его въ мяслиницу, которая давно уже заслужила у всѣхъ и по достоинству названіе безпутной и безобразной ведъля¹⁾).

Намъ приходилось встрѣчать мнѣніе, что въ современныхъ бѣдствіяхъ, которыя все увеличиваются и усиливаются и такъ жестоко поражаютъ бѣдное человечество, надо усматривать наказаніе Господне за то неуваженіе, которое теперь вседѣ наблюдаются относительно святости дней праздничныхъ и воскресныхъ.

Нельзя не признать, что это мнѣніе довольно правдоподобно.

Въ числѣ другихъ тяжелыхъ прегрѣшеній, за которыя совершается надъ нами Божія кара, несомнѣнно можно считать и поруганіе святости праздниковъ и постовъ.

Представители нашей Церкви считаютъ своимъ святымъ долгомъ возставать противъ нарушенія церковныхъ заповѣдей со стороны ярыхъ любителей театралныхъ зрѣлищъ и они, конечно, въ этомъ вполне правы.

Мы можемъ лишь пожелать съ ихъ стороны еще большей настойчивости и *строгости* въ этомъ дѣлѣ.

„Молчать при явномъ нарушеніи постановленій Церкви, — говорилъ архимандритъ Порфирій, — значило бы потворствовать безпорядкамъ и содѣйствовать укороенію дурныхъ обычаевъ²⁾).

Святая православная Церковь не способна на такое потворство дурному изъ какихъ бы то ни было цѣлей.

Пастыри ея знаютъ, что ихъ нареканія и уищанія мірянамъ не предвзаться черезъ мѣру театралнымъ зрѣлищамъ заслужать отъ общества лишь упреки въ косности и ретроградствѣ³⁾, въ излишней строгости, въ несвоевременности, въ отсталости отъ вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ они знаютъ, что „призваны своимъ служеніемъ не похвалы себѣ искать, а излѣчить христіанскія души вѣрнымъ изложеніемъ ученія истины, хотя бы оно не согласно было съ правилами и обычаями вѣка⁴⁾).

Честь и хвала имъ за это величественное исполненіе своего святого долга.

1) Душен. Чт. 1864, № 3: „Великій постъ“ Е. П., стр. 309—310.

2) Душен. Чт. 1858, августъ, стр. 108.

3) Труды Кіевской духовной академіи 1891, № 4, стр. 636.

4) Душен. Чт. 1863, № 11, стр. 263.

Въ нашемъ законодательствѣ вопросъ о празднованіи дня воскреснаго (я праздничнаго) разработанъ достаточно подробно.

„Исключеніе составляютъ только законы о зрѣлищахъ, которые далеко не совершенны“¹⁾.

Въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (изд. 1890 г.) мы находимъ слѣдующія постановленія:

Раздѣлъ первый, глава первая, отдѣленіе второе.

§ 14. Полиція наблюдаетъ, чтобы въ воскресные или торжественные дни или въ табельные или храмовые праздники, въ городахъ и селеніяхъ, прежде окончанія въ приходской церкви литургіи, не были начинаемы игрища, музыка, пляски, пѣніе пѣсень, по домамъ и по улицамъ, театральныя представленія и всякія иныя общенародныя забавы и увеселенія.

§ 16. Во время крестнаго хода полиція наблюдаетъ... 4) чтобы никто не дозволялъ себѣ въ сіе время никакихъ шумныхъ увеселеній, какъ-то: плясокъ, конскаго ристанія и никакого безчинія.

Раздѣлъ третій, глава первая, отдѣленіе первое.

§ 131. На домашнихъ театрахъ запрещается наряжаться въ монашеское или духовное платье и ходить по улицамъ въ такомъ же или въ другомъ противномъ приличію одѣваніи.

(Само-собой разумется что это запрещено и на публичныхъ театрахъ, но тамъ это правило не соблюдается. *Прим. автора*).

Отдѣленіе второе.

§ 136. Въ общенародныя игры, забавы, театральныя представленія и пѣсни не включать и не употреблять поносительныхъ словъ или поступковъ, нарушающихъ благопристойность или наносящихъ кому-либо вредъ.

(Здѣсь не упомянута возможность употребленія въ театральныя представленія словъ и дѣйствій оскорбительныхъ для Церкви, что, какъ мы видѣли выше, случается очень часто. Мы настаиваемъ на необходимости запретить всякое употребленіе священныхъ словъ, предметовъ, обрядовъ какого бы то ни было христіанскаго вѣроисповѣданія, ибо всему этому не мѣсто на сценѣ театра. Если намъ возразить, что отъ этого запрещенія можетъ пострадать реальность сценическаго дѣйствія, то мы отвѣтимъ: хорошо, пусть такъ. Для христіанна уваженіе къ Церкви и къ ея преданіямъ и обычаямъ должно быть дороже всего на свѣтѣ. *Прим. автора*).

¹⁾ А. Бізювъ, „О покой воскреснаго дня“. Харьковъ 1891. Стр. 5.

§ 145. Публичные маскарады и зрѣлища (кроме драматическихъ представлений на иностранныхъ языкахъ) запрещаются двадцать третьяго, двадцать четвертаго, двадцать пятаго декабря, наканунѣ воскресныхъ дней, двенадцатыхъ праздниковъ и дня Усѣкиновенія главы Іоанна Предтечи, въ теченіе всего Великаго поста, въ недѣлю св. Пасхи, въ Успенскій постъ, въ день Усѣкиновенія главы Іоанна Предтечи и въ день Воздвиженія креста Господня.

(Допущеніе драматическихъ спектаклей на иностранныхъ языкахъ, по сужденію пастырей Церкви, ничѣмъ не оправдывается. Языкъ не играетъ никакой роли. Важенъ фактъ назначенія свѣтакля подъ праздникъ или въ постъ, а языкъ тутъ не при чемъ. Грѣхъ одинаковъ, будетъ ли данъ спектакль на русскомъ или на китайскомъ языкѣ. Перечисленіе праздниковъ не достаточно полно: слѣдовало бы присоединить сюда еще нѣкоторые дни, особо чтимые на Руси. Вся эта статья 145 не соблюдается и нарушается постоянно. Театральныя представленія начинаются на четвертый день недѣли св. Пасхи даже на Императорскихъ сценахъ¹⁾. Наканунѣ всѣхъ праздниковъ, наканунѣ воскресныхъ дней и въ Великій постъ открыты всѣ увеселительныя заведенія, въ родѣ „Салонъ-де Варіете“ etc., гдѣ на сценахъ идутъ небольшія пошлыя пьески на русскомъ языкѣ. Въ Успенскій постъ загородные сады съ оперетками, операми и драматическими спектаклями дѣйствуютъ безнаказанно, на глазахъ и съ вѣдома полиціи. *Прим. автора*).

§ 146. Воспрещается давать публичные концерты, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, на первой и страстной недѣляхъ Великаго поста, наканунѣ Благовѣщенія, въ вербныя субботу и воскресенье. По другимъ же субботнимъ днямъ какъ Великаго поста, такъ и во весь кругъ года, а равно наканунѣ двенадцатыхъ праздниковъ дозволяются лишь духовные публичные концерты.

(Для Церкви была бы желательна отмена этого послѣдняго дозволенія. Наканунѣ праздниковъ и дней воскресныхъ не на духовные концерты должны идти христіане, а въ храмъ Божій для молитвы. За всѣмъ тѣмъ — эта статья закона нарушается

¹⁾ Противъ чего особенно возставалъ митрополитъ Филаретъ. Смотри *Душев. Чт.* 1870 г. зрѣль. *Прим. автора.*

еженедельно. Въ Москвѣ всѣ концерты симфоническіе и филармоническіе устраиваются *въ прямое нарушеніе неотъемлемнаго закона* — по субботамъ! — *Прим. автора.*)

§ 148. Въ духовныхъ публичныхъ концертахъ, исполненіе которыхъ на театрахъ воспрещается, не дозволяется пѣть псалмы и молитвы, въ православномъ богослуженіи употребляемые, а только другихъ вѣроисповѣданій, но и тѣ отнюдь не въ русскомъ переводѣ.

(Желательно болѣе ясное воспрещеніе употреблять пѣніе молитвъ, какъ православнаго, такъ и другихъ вѣроисповѣданій, на сценахъ театровъ, гдѣ имъ совершенно не мѣсто и гдѣ это составляетъ кощунство. — *Прим. автора.*)

Итакъ мы видимъ, что при несовершенствѣ и неопытѣ нашего законодательства о зрѣлищахъ, постановленія его по большей части явно и безнаказанно нарушаются.

Видно, законъ, какъ и закъ, только для честныхъ людей!

Защитники театральныхъ зрѣлищъ и всякаго рода увеселеній въ неуказанное время выставляютъ въ свое оправданіе слѣдующія два положенія:

Во первыхъ де, въ Россіи живетъ очень много иностранцевъ, которыхъ нельзя заставить соблюдать всѣ обычаи нашей Церкви и подчиняться ея требованіямъ.

Мы убѣждены, что приводящее подобное оправданіе сами сознаютъ его полную несостоятельность.

Думать противное, значило бы быть слишкомъ низкаго мѣрѣнія объ ихъ умственныхъ способностяхъ.

Нельзя заставить иностранцевъ, живущихъ въ Россіи соблюдать ея обычаи, но, съ другой стороны, поступаться изъ-за нихъ нами, русскими, своими обычаями тоже не надо.

Народъ, который не цѣнитъ своего значенія, своихъ достоинствъ, высшихъ потребностей своей души, не вѣрять въ свое призваніе, съ холодною относится къ воспитавшей его вѣрѣ, *если раба*; но признано ли могучему русскому народу передъ какою-нибудь горстью иностранцевъ быть рабомъ, поступаться въ угоду этой горсти святынями своей вѣры, возродившей и укрьпившей его?¹⁾

1) Душев. Чт. 1881, № 1: „Голосъ мірянина“ Н. Палашисткова, стр. 330.

И сами иностранцы, живущіе въ Россіи, на русскихъ хлѣбахъ, понимаютъ, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходять, и нисколько не жаловались бы на совершенное запрещеніе всякихъ увеселеній въ извѣстные дни. Отъ ихъ имени самозванно говорятъ въкоторыя русскіе, съ одной стороны до того страстные любители удовольствій, что они готовы жертвовать имъ всея и всея, съ другой стороны — люди, видящіе въ театральнымъ зрѣлищамъ вѣрное средство для развращенія русскаго народа, для уничтоженія въ немъ уваженія къ Церкви.

Въвторыхъ, говорятъ, что если закрыть все театры и увеселенія въ извѣстные дни, то народъ пойдетъ въ нитейные дома и т. п., что едва ли будетъ лучше.

Странное оправданіе.

Одинъ проступокъ противъ церковныхъ установленій замѣнить другимъ, не менѣе важнымъ.

„Преступленіе, совершенное взамѣнь другого, не считается преступленіемъ!“¹⁾

Не надо забывать, что большинство современныхъ театральнымъ зрѣлищъ и увеселеній ничуть не менѣе опасны для нравственности народа, чѣмъ кабаки.

Нужно сперва уничтожить эти зрѣлища, а потомъ уже говорить о томъ, что лучше народу идти въ театръ, чѣмъ въ кабакъ.

По нашему мнѣнію, пусть лучше народъ идетъ кабакъ, чѣмъ въ оперетку или на въкоторыя драматическія представленія съ „либеральнымъ“ направленіемъ.

„Зрѣлища эти (тѣ, что вносятся только развратъ) навсегда останутся горькимъ упрекомъ современному человечеству, которое мнитъ себя образованнымъ. Сугубый грѣхъ долженъ лечь на душу тѣхъ, которые допустили и допускаютъ проникать въ русскую землю подобныя представленія, очень жѣтко заклеяменныя отъ русскаго же народа именемъ „похабщикимъ“²⁾.

Надѣемся, что нами довольно ясно показано, что Церковь православная всегда, какъ въ первое золотое время своего существованія, такъ и теперь, когда она, подобно утесу, не-

¹⁾ Ibidem, стр. 335.

²⁾ Ibidem.

зыблею въ открытокъ морѣ стоитъ обуреваемая противными вѣтрами, осуждала и осуждаетъ всякаго рода театральныя зрѣлища, какъ несовѣстныя съ высочайшъ званіемъ христіанства.

Устами своихъ лучшихъ пастырей она всегда удерживала и удерживаетъ всѣхъ вѣрующихъ отъ чрезвѣрнаго увлеченія даже зрѣлищами невинными и совершенно запрещаетъ зрѣлища и увеселенія, могущія представить соблазна.

Посѣщеніе вѣрными христіанами этихъ соблазнительныхъ зрѣлищъ, а въ настоящее грустное время вездѣ, а въ томъ числѣ и въ нашей дорогой родинѣ, такими ночныя всѣ (театральныя) общенародныя зрѣлища, за очень малыми исключеніями, — посѣщеніе такихъ зрѣлищъ, повторяемъ, есть грѣхъ противъ заповѣди Спасителя, повелѣвающей убѣгать отъ соблазна.

Устроеніе же такихъ зрѣлищъ и дозволеніе ихъ — составляетъ опять-таки очень печальное и нежелательное явленіе.

Зачѣмъ и хлопотать о народномъ образованіи, о подвигѣ нравственности и религіознаго духа во всѣхъ слояхъ общества, когда допускается открытое существованіе такихъ увеселительныхъ заведеній, конхъ зрѣлища имѣють сильно-соблазнительный характеръ, неминуемо и пагубно дѣйствующій на воображеніе и на душу зрителей.

Пока терпима оперетка и всѣ эти безчисленныя „заведенія“ съ шансонетными тѣнцами, рассказчиками, куплетистами, легкимъ балетомъ, шутовскими, непристойными водевилями и съ продажей тутъ же, рядомъ, спиртныхъ напитков¹⁾, до тѣхъ поръ всѣ старанія облагородить общество, обуздать все возрастающее распутство, особенно среди молодежи, останутся тщетными.

Но если грѣшно съ точки зрѣнія Церкви посѣщать соблазнительныя зрѣлища въ обыкновенное время, то мы видѣли, какъ строго судитъ она посѣщающихъ даже невинныя зрѣлища наканунѣ праздниковъ, дней воскресныхъ и въ постѣ.

Кощунство, возмутительное издѣвательство надъ святыми дорожками заветами Церкви, безсовѣстное поправленіе церковныхъ уставовъ, дерзкій вызовъ, бросаемый неустрашимыми Церквя — вотъ что представляють собой театральныя зрѣлища постомъ и въ кануны вос-

¹⁾ Независо одно такое заведеніе въ Москвѣ, ради большаго привлеченія публики, объявило, что заплатившіе за билетъ въ кресла перваго ряда получатъ безплатно бутылку шампанскаго.

кресныхъ и праздничныхъ дней. Пренебреженіе голосомъ Церкви, добровольное отлученіе себя отъ нея, столь же добровольное обреченіе себя тяжкому грѣху, за который по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ положено тяжкое наказаніе, и все это ради того, чтобы лишній разъ сходить въ театръ, лишній разъ посмотрѣть соблазнительное дѣйствіе, послушать соблазнительныя или кощунственныя слова и лишній разъ загрязнить свое воображеніе или, въ лучшемъ случаѣ, лишній разъ проскучать, смотря на то, что можно было видѣть даемъ раньше, днемъ позже съ меньшимъ грѣхомъ для себя, съ меньшимъ соблазномъ для другихъ.

Вотъ два пятна, позорящія современное общество:

Вопервыхъ, всякаго рода зрѣлища, имѣющія мало-мальски соблазнительный въ нравственномъ отношеніи характеръ, и, вторыхъ, допущеніе какихъ бы то ни было зрѣлищъ и увеселеній общественныхъ подл праздничныя и воскресныя дни и въ дни поста.

То государство, то общество не можетъ считаться цивилизованнымъ, передовымъ въ истинномъ, благородномъ, а не „либеральномъ“ только, значеніи этого слова, которыя не стараются снять съ себя эти позорныя пятна, конечно, если еще раньше государство и общество не разорвутъ всякой связи съ Церковью, единой спасительной. Тогда эти два пятна, конечно, незамѣтны въ томъ непроглядномъ ужасномъ мракѣ, который охватитъ такое государство, такое общество, мракъ безъ просвѣта, мракъ, гдѣ меркнетъ свѣтъ человеческого знанія и таланта, мракъ, холодящій и убивающій всякую нравственность, всякое добро, всякое благородное побужденіе.

И мы вѣримъ, что для Россіи не пришла еще эта пора и что не придетъ она никогда, несмотря на всѣ старанія и усилія нѣкоторыхъ невѣрныхъ сыновъ ея добиться этого.

Въ Россіи знамя истиннаго свѣта держится пока высоко: у этого знамени стоитъ нашъ Самодержавный Царь, вѣрное своему долгу духовенство во всеоружіи знанія и любви, у этого знамени стоятъ милліоны вѣрующихъ, и что могутъ сдѣлать противъ нихъ хотя бы, къ сожалѣнію, и довольно многочисленныя еще добринни тмы крошечной, мрака непроницаемаго.

Хоть и говорилъ съ глубокой скорбью и страданіемъ архіепископъ Никаноръ, что „мы идемъ и даже пришли ужъ

въ философіи Чернышевскаго — Писарева въ теоріи и въ осуществленію выводовъ Добролюбова на практикѣ¹⁾, т. е. къ позитивнейшей побѣдѣ мрака надъ свѣтомъ, но мы вѣруемъ, что Богъ не дастъ погибнуть Россіи, что Онъ внялъ раскаянію и молитвамъ русскаго народа, и знаменіе этого мы видѣли уже въ чудесномъ и благодатномъ спасеніи Царя и его семейства отъ смерти при крушеніи поѣзда 17-го октября.

А если такъ, если намъ дорога судьба нашего отечества, если мы хотимъ быть вѣрными сынами ему, если мы гордимся честью быть русскими и принадлежать къ единой истинной святой православной Церкви, то и должны мы свято и во всемъ соблюдать ея обычай и заветы.

И въ данномъ случаѣ, думаемъ мы, долгъ всего общества, во имя Божіе, по гласу Церкви, *отречься разъ навсегда отъ непотребныхъ зрелищъ во всякое время и вообще отъ какихъ бы то ни было зрелищъ и увеселеній въ дни, когда этого требуетъ наше уваженіе къ Церкви и къ духовному чувству миллионныхъ братьевъ нашихъ, живущихъ еще во всемъ согласно ученію Церкви и которымъ мы служимъ соблазномъ.*

Именно долгъ общества, долгъ каждаго человѣка сдѣлать это и сдѣлать, не отблывая въ долгій ящикъ, не отговариваясь: „послѣ, не я первый, пусть начнутъ другіе“.

У насъ такая отговорка въ ходу; иные прямо говорятъ: мол, молъ, хата съ краю; не мое дѣло!

Насколько это недобросовѣстно, предоставляемъ судить каждому.

Видь если бы такъ говорили всѣ и при всякомъ дѣлѣ, то ничего бы и не дѣлалось.

Изъ единицъ составляются массы, и если голосъ одного человѣка въ отдѣльности не много значитъ, то голосъ многихъ, единодушно говорившихъ объ одномъ и томъ же, долженъ имѣть рѣшающее значеніе.

Духовенство, какъ мы видѣли, вѣрно своему долгу представителей православной Церкви, сдѣлало свое дѣло; очередь за правительствомъ и обществомъ.

Большое духовенство ничего сдѣлать не можетъ; оно вынуждено ограничиться лишь теоретическимъ изложеніемъ сво-

¹⁾ Странникъ 1889, № 1: „На новый годъ“. Слово архіепископа Никанора, стр. 34.

них взглядовъ; провести ихъ въ жизнь задача правительства и общества.

Если общество путемъ печати заговоритъ о необходимости существенныхъ измѣненій въ законахъ о зрѣлищахъ, то и задача правительства значительно упростится и облегчится.

Видя что этотъ вопросъ изрѣвъ, что рѣшеніе его въ извѣстномъ смыслѣ съ нетерпѣніемъ ожидается большинствомъ, правительство безо всякаго труда будетъ въ состояніи провести въ жизнь тѣ измѣненія въ дѣйствующемъ законѣнн о зрѣлищахъ, которыя настоятельно требуются православной Церковью.

Вотъ въ сущности къ чему сводится эти измѣненія, насколько мы можемъ судить изъ собраннаго вами матеріала.

I. Необходимо возможно скорѣе пересмотрѣть вновь всѣ драматическія произведенія, оперныя и опереточныя либретто и изъять изъ нихъ все, что такъ или иначе можетъ оскорбить религиозное чувство вѣрующаго христіанина.

Не должно быть допускаемо на сценѣ появленіе лицъ духовныхъ или монаховъ, хотя бы не православнаго исповѣданія; лица выводимыя на сцену подъ именемъ отшельниковъ, старцевъ отнюдь не должны носить монашескаго или подобнаго одѣванія, какъ присвоеннаго вслѣдствіе иноческаго чину.

Не должно быть дозволяемо употребленіе на сценѣ предметовъ христіанскаго богослуженія, образовъ, крестовъ и т. д.

Не должно позволять произносить со сцены тексты священныхъ Писаній и молитвъ, принятыхъ Церковью.

II. Обязать содержателей театровъ, что они не будутъ дозволить своимъ артистамъ какихъ бы то ни было кощунственныхъ выходковъ и глумленій надъ обрядами и обычаями Церкви. За неисполненіе этого должно быть назначено строгое наказаніе, соединенное съ отдачей виновнаго подъ церковное покаяніе.

III. Постепенное закрытіе на всемъ пространствѣ земли русской ослѣ опереточныхъ и иныхъ зрѣлищъ, соблазнительныхъ и бредныхъ въ нравственномъ отношеніи.

IV. Повсемѣстное запрещеніе какихъ бы то ни было зрѣлищъ и увеселеній подъ воскресенье и подъ слѣдующіе праздники: всѣ двенадцатые, два дня св. Николая Чудотворца (9 мая и 6 декабря), день св. Апостоловъ Петра и Павла (29 іюня), день Успѣшвенія главы Іоанна Предтечи (29 августа), день

св. евангелиста Іоанна Богослова (26 сентября), день Покрова Пресвятыя Богородицы (1 октября), день чудотворной Ея иконы Казанской (22 октября), вся Свѣтлая недѣля, второй и третій день Рождества Христова; кромѣ того дни царскіе: коронованія, восшествія на престолъ, рожденія и тезоименяетства Государя, Государыни и Наслѣдника Цесаревича.

Надо обратить вниманіе и на то, чтобы наканунѣ этихъ дней не дозволялись *репетиціи въ театрахъ и такіе называемые ученическіе спектакли въ школахъ драматическаго и музыкальнаго искусствъ.*

Частныя вечеринки, домашнія балы и спектакли въ кануны вышеуказанныхъ дней, конечно, не могутъ быть воспрещены постановленіями закона, но само общество должно смотрѣть и наблюдать за тѣмъ, чтобы и частными домашними увеселеніями не нарушалась и не оскорблялась святость праздничнаго дня.

V. *Въ теченіе поста не должны быть допускаемы никакія театральныя представленія, ни драматическія, ни оперныя, не только на русскомъ, но и на всякомъ другомъ языкѣ, хотя бы на китайскомъ или турецкомъ, никакія зрѣлища и увеселенія. Могутъ быть разрѣшаемы духовные концерты, а также и свѣтскіе музыкально-литературные вечера, при чемъ должно быть наблюдаемо за выборомъ литературныхъ и музыкальныхъ пьесъ, такъ чтобы онѣ во возможности подходили къ характеру времени поста и отнюдь не оскорбляли его строгости шутовскимъ и непристойнымъ весельемъ. Само собой разумѣется, что кануны воскресныхъ дней постомъ должны быть соблюдаемы особенно строго.*

VI. Если утренніе спектакли въ самые воскресные и праздничные дни не могутъ быть уничтожены совершенно, подъ тѣмъ предлогомъ, что они де предназначаются для учащагося юношества и т. д., то во всякомъ случаѣ они *должны начинаться не ранее двухъ часовъ дня*, такъ чтобы лицо, собирающееся на утренній спектакль, могло раньше свободно исполнить свой долгъ честнаго сына Церкви и быть у обѣдни.

VII. Выборъ пьесъ для утреннихъ и вечернихъ спектаклей въ дни праздничные и воскресные *долженъ быть производимъ съ величайшей осторожностью въ виду состава публики въ эти дни, публики, состоящей преимущественно изъ учащейся молодежи, мелкихъ служащихъ, ремесленниковъ и фабричныхъ.*

Безопасно должны быть устранены все нъсы, могущія представить хотя бы малѣйшій соблазнъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніяхъ.

VIII. Съ теченіемъ времени, когда сознаніе въ необходимости внимать глазу Церкви глубоко проникнетъ въ общество, можно будетъ окончательно запретить всякія театральныя зрѣлища и увеселенія въ дни праздничныя и воскресныя, заживая ихъ духовными концертами, духовными собесѣдованіями и чтеніями.

Намъ кажется, что проведеніе подобныхъ правилъ, составляющихъ общее желаніе пастырей Церкви, въ жизнь принесетъ очень скоро свою пользу и послужитъ великимъ орудіемъ въ дѣлѣ поднятія уровня общественной нравственности.

Надо только, чтобы правила эти не оставались мертвой буквой, заключенной въ такомъ то томѣ свода законовъ, а энергично и неуклонно примѣнялись на дѣлѣ такъ, чтобы нарушители ихъ знали, что ихъ ждетъ и наказаніе по суду и презрѣніе со стороны общества.

Намъ кажется, что Москвѣ именно надлежитъ сдѣлать починокъ въ этомъ дѣлѣ. Она — сердце Россіи, она центръ православія, а мы своимъ легкимъ отношеніемъ къ дѣлу превратили ее въ громадную „потѣшную хороминку“, всей шутокъ и скоморохи глумятся надъ всѣмъ и надъ всѣми.

Дай Богъ, чтобы скорѣе Москва снова сдѣлалась русскимъ, православнымъ городомъ и чтобы въ ней не было мѣста глумящимся надъ Церковью.

На этомъ мы заканчиваемъ нашу статью.

Не намъ судить, достигли ли мы своей цѣли — показать обществу всю невозможность дальнѣйшаго существованія нынѣшнихъ отношеній между Церковью и зрѣлищами.

Намъ хотѣлось, главнымъ образомъ, поднять этотъ вопросъ, вывести его изъ среды чисто-духовной литературы, гдѣ онъ по преимуществу ютился до сего времени.

Если это удастся намъ хоть отчасти, мы будемъ считать себя счастливыми въ сознаніи, что поступили хорошо.

Въ заключеніе скажемъ вкратцѣ съ другимъ мѣрянномъ, писавшимъ по этому вопросу.

„Намъ могутъ возразить такъ: ограждать святую православную Церковь отъ вторженія въ нее всего того, что не

согласно съ ея правилами и постановвленіями, есть дѣло служителей Церкви. Думать такъ значить отказываться отъ своихъ прямыхъ правъ и обязанностей. Церковь — это мы, всѣ вѣрующіе; вѣра — это святѣйшая всякой души. Кто же и когда отнималъ у вѣрующаго право защищать и охранять свою Церковь, свою вѣру? Они имѣютъ не только право на это, но и обязанность. Ближайшимъ образомъ эта обязанность лежитъ на пастыряхъ Церкви, но съ ними заодно должны служить интересамъ вѣры и пасомые. Они — овцы стада Христова, но овцы не безсловесныя, а разумныя, и потому должны принимать живое участіе въ дѣлахъ вѣры, а не возлагать отвѣтственности за все на пастырей¹⁾.

¹⁾ Душен, Чт. 1861, № 11: Голосъ мірянина за отмену театральнаго увеселеній подъ воскресные и праздничные дни, а также въ дни великаго поста. И. Шагиннестова. Стр. 332.

Письма къ издателю „Московскихъ вѣдомостей“.

I.

М. Г.! Позвольте черезъ посредство вашей уважаемой газеты обратить вниманіе кою слѣдуетъ на слѣдующій фактъ, глубоко оскорбительный для православнаго чувства, тѣмъ болѣе, что исходитъ онъ не отъ частныхъ лицъ, а отъ правительственнаго учрежденія.

1-е октября православная руссiйская Церковь посвящаетъ празднованію Покрова Пресвятыя Богородицы.

Праздникъ этотъ издавна особо чтится православной Русью, которая вся, отъ мала до велика, отъ Царя до послѣдняго нищаго, глубоко и неизмѣнно вѣритъ, что Владычица Небесная, Мать Господа Нашего Иисуса Христа, всегда въ минуты опасности простретъ надъ землею русскою Свою спасительный Покровъ и умолитъ Господа Силъ отвратить Своей гнѣвъ отъ лица православной Руси.

Торжественнымъ всеобщимъ бдѣніемъ будутъ встрѣчать православные христіане этотъ праздникъ въ храмѣ Божіемъ, и въ то время, когда они съ особымъ благоговѣніемъ будутъ слушать слово Божіе или съ вѣрой прикладываться къ иконѣ праздника, въ то самое время и наши театры распахнутъ свои двери и начнутъ представленія.

И во главѣ ихъ оба наши Императорскіе театры — Большой и Малый.

Въ Большомъ — опера *Пророкъ* или *Балъ-маскарадъ*; въ маломъ — новая пьеса Александрова: *Въ неравной борьбѣ*.

Неужели это хорошо? Неужели такъ и слѣдуетъ? Неужели дирекція Императорскихъ театровъ не знала, что праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы чтится православною Церковью наравнѣ съ праздниками двунадесятыми, что день этого празднованія считается днемъ неприсутственнымъ.

Въ любомъ православномъ календарѣ можно видѣть, что день этотъ отмѣченъ такъ же, какъ отмѣчаются двунадесятые

праздники, наканунѣ которыхъ обыкновенно не бываетъ спектаклей въ Императорскихъ театрахъ, то-есть крестникомъ въ полномъ кругѣ.

Намъ скажутъ: такъ всегда было.

Не знаемъ — было ли это *всегда*. Всего вѣроятнѣе, что это небреженіе къ праздникамъ православной Церкви началось въ недавнее сравнительно время, когда изъ боязни насмѣшекъ со стороны атеистовъ-либераловъ и не то еще дѣлалось. Но даже если бъ и такъ, то правильно ли это? И не лучше ли исправить ошибку поздно, чѣмъ оставить ее такъ на соблазнъ другихъ.

Ссызаться на то, что хожденіе въ театръ есть дѣло добровольное, что никого не понуждаютъ идти въ театръ, а не въ Церковь — нельзя по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, потому что не надо вводить людей въ соблазнъ, ибо это грѣхъ и грѣхъ большой.

Людей нетвердыхъ въ вѣрѣ у насъ много; зачѣмъ ихъ соблазнять и вводить въ лишній грѣхъ?

Вспомнили бы слова Спасителя:

„А иже аще соблазнитъ единого малыя снѣгъ отрующаго азъ Мя, уне есть ему да обьсниси жерново осельскій на оми ево и потонетъ въ пучинѣ морстнѣй“ (Ев. отъ Матвея гл. 18, ст. 6).

Не надо забывать, что Церковь только *разрываетъ* вѣрующимъ посѣщать театральныя зрѣлища, дѣлая это по своему милосердію и снисхожденію къ человѣческой слабости, но отнюдь не считаетъ это дѣло хорошимъ, богоугоднымъ, достойнымъ истиннаго христіанина.

Можно привести на этотъ счетъ слѣдующія слова нашего великаго проповѣдника и богослова покойнаго митрополита Московскаго Филарета:

„Миръ представляетъ себѣ забавы почти такую же потребность жизни, какъ трудъ, пища и покой. Онъ думаетъ жить, играя. Нѣтъ, братія, жизнь не игра, но дѣло важное. Земная жизнь дана человѣку для того, чтобъ изъ нея, рукою свободной воли, силой Божіей благодати, выработать вѣчное блаженство. Кто понялъ сіе дѣло и занялся имъ какъ должно, тотъ едва ли найдетъ много времени для игры и забавъ“ (*Государственное ученіе митрополита Филарета*. Изд. III, стр. 98).

А повторныхъ, есть люди, которые действительно *обязательно должны* будутъ быть въ театрѣ въ этотъ вечеръ.

Это артисты.

Оркестры обоихъ Московскихъ театровъ почти цѣликомъ *еще* состоятъ, къ сожалѣнію, изъ пѣвцевъ; этимъ безразлично, когда имъ назначать спектакль. Но труппа обоихъ театровъ въ огромномъ большинствѣ состоитъ изъ русскихъ православныхъ людей.

И вотъ эти люди, хотя бы и желали, будутъ лишены возможности принять участіе въ вечерней молитвѣ, и очень можетъ статься, что и въ самый праздникъ они не попадутъ въ обидѣ, а должны будутъ ѣхать въ театръ на какую-нибудь репетицію.

Бываетъ и это.

Вотъ этихъ людей намъ жаль, а главное жаль, что таковой соблазнъ православныхъ подаютъ наши Императорскіе театры.

Примите и пр.

(*Моск. Вѣд.* 1891, № 270.)

ПИСЬМО II.

М. Г.! Недавно я писалъ вамъ о томъ, что не хорошо поступили Императорскіе Московскіе театры, назначивъ представленія наканунѣ праздника Покрова.

Ничего хочу сообщить вамъ о другомъ не менѣе соблазнительномъ и оскорбительномъ для православнаго чувства фактѣ.

Вчера во всей Москвѣ были развѣшены афиши, возвѣщающія открытіе „Театра XIX столѣтія“. Афиши подписаны именами Фридерикса и М. В. Л. и содержатъ въ себѣ перечисленіе труппы частнаго опернаго театра. Не въ этомъ, конечно, дѣло.

Въ концѣ афиши мы прочли слѣдующее:

„По субботамъ представляемыя оперы будутъ идти на итальянскомъ языкѣ“.

Что это за комедія? что это за издѣвательство надъ обычаями православной Церкви?

Церковь назначаетъ вечеръ субботы на приготовленіе ко встрѣчѣ праздника — для воскреснаго — достойнымъ образомъ.

Не въ театрѣ можно достойно встрѣтить праздникъ, не на зрѣлищахъ, служащихъ у насъ исключительно удовлетворенію празднаго любопытства или развиганію похоти.

Давно прошли тѣ времена (если и были когда-нибудь), когда театр считался школой народа.

Но современное общество не может жить безъ театра, ему скучно, у него нѣтъ высшихъ интересовъ духовныхъ, ему нужно убить чѣмъ-нибудь время, и лучшимъ средствомъ для этого является театр.

Пусть такъ. Пусть шесть вечеровъ изъ семи отводятся театру. Довольно, я думаю.

Нѣтъ, нужно взять и седьмой вечеръ, субботній, когда Церковь увѣщаетъ сыновъ своихъ обратиться къ Богу съ молитвой, зоветъ ихъ въ храмъ.

Чѣмъ мотивированы спектакли по субботамъ? Неужели погоней за нѣсколькими лишними рублями? Не думаю.

Нѣтъ и нѣтъ.

Потребности нѣтъ.

Довольно шести вечеровъ, довольно съ избыткомъ. Нужно дать отдохнуть и артистамъ, и публикѣ, и прислугѣ. А главное, это — то, что эти зрѣлища по субботамъ производятъ соблазнъ, оскорбляютъ православное чувство. А этого не надо дѣлать никогда и ни подъ какимъ видомъ.

Разъ представляется хоть малѣйшая опасность кого-нибудь соблазнить, хоть чѣмъ-нибудь оскорбить святость церковныхъ установлений, надо избѣгать этого, не оставаясь ни передъ какими жертвами.

Въ данномъ случаѣ и жертвъ не надо.

Уничтожьте всякія зрѣлища въ дни праздничные, и всѣ будутъ рады, за исключеніемъ, можетъ быть, небольшой кучки „интеллигентовъ“, которые, конечно, подымутъ крикъ о нарушении свободы совѣсти, о фанатизмѣ, — но кто обратитъ вниманіе на этотъ крикъ?

Говорятъ, у насъ много иностранцевъ. Они не обязаны соблюдать обычай нашей Церкви.

Конечно, никто и не принуждаетъ ихъ къ этому. Но, съ другой стороны, поступаться намъ своими обычаями, достоинствомъ нашей Церкви въ угоду иностранцамъ, проживающимъ у насъ на нашихъ хлѣбахъ, я полагаю, тоже не хорошо.

Посмотрите: въ Лондонѣ тоже не мало иностранцевъ, однако, тамъ въ воскресные дни ни одной лавки не откроютъ въ угоду иноземцу. Развѣ всѣмъ запасться наканунѣ, а то не пенять, если цѣлый день голодать будешь.

Въ чужой монастырь съ своими уставами не ходять, говорить пословица.

А нашъ уставъ такой, что надо соблюдать ученіе православной Церкви во всей его полнотѣ, или не именоваться христіанами.

Да, не велика будетъ, право, бѣда, если иностранцы, живущіе въ Россіи, и не пойдутъ въ театръ по субботамъ.

То же обстоятельство, что опера пойдетъ на итальянскомъ языкѣ — не извѣняетъ, конечно, положенія дѣла.

Если можно пѣть по-итальянски, можно пѣть и по-русски. Это все равно. Перехѣна языка тутъ не при чемъ и является еще большимъ надвѣвательствомъ.

Важнѣе не языкъ, важнѣе не самый родъ и характеръ аръ-лици, важнѣе только фактъ дозволенія у насъ пустыхъ и часто нравственно-вредныхъ арълицъ въ дни и часы, когда Церковь призываетъ вѣрующіяхъ въ храмы Божіи къ молитвѣ и покаянію.

Примите и пр.

(*Моск. Вѣд.* 1891, № 290.)

ПИСЬМО III.

М. Г.! Опять прошу у васъ изѣта въ вашей уважаемой газетѣ и опять по вопросу, о которомъ уже дважды писалъ вамъ.

Въ пятницу на этой недѣлѣ, 6 декабря, святая православная Церковь чтитъ торжественнымъ празднованіемъ память великаго учителя церкви святаго Николая Чудотворца Мирликійскаго. Великій праздникъ! Съ древнихъ дней особенно чествовался этотъ день на Руси святой, гдѣ постоянно народъ въ минуты нужды и горя обращается съ молитвой къ великому Святому и непрестанному молитвеннику вашему передъ лицомъ Всевышняго.

Праздникъ 6 декабря начинается съ вечера 5 декабря, ибо всякій день по церковному счисленію начинается съ вечера. *И бысть вечеръ, и бысть утро, день третій... день второй... день третій...* (Быт. гл. 1, и т. д.). И вначѣе великій праздникъ истиннымъ христіанамъ, христіанамъ дѣла, а не слова только, подобаетъ либо въ церкви, либо въ случаѣ невозмож-

ности быть въ церкви, дома за чтеніемъ слова Божія, въ тихомъ семейномъ кругу.

Такъ надо бы!

Но сколько людей, по доброй волѣ или по принужденію, встрѣять этотъ великій праздникъ въ какомъ-нибудь театрѣ, въ циркѣ или даже въ такихъ непотребныхъ мѣстахъ, какъ „Ренессансъ“, „Салонъ де Варіете“, „Альказаръ“ и т. п. Ибо, стыдно сказать, стыдно написать, въ православной Москвѣ, наканунѣ 6 декабря будутъ открыты и всѣ театры, и циркъ, и вышепоименованныя „заведенія“.

Стыдно и грустно видѣть такое издѣвательство надъ обычаями, надъ установленіями Церкви.

Мы знаемъ, что теперь, какъ и прежде, нашъ голосъ останется гласомъ вопіющаго въ пустынь. Былъ спектакль въ Императорскихъ и другихъ театрахъ наканунѣ Покрова, были спектакли наканунѣ дня празднованія Казанской иконы Божіей матери, будутъ спектакли и театры наканунѣ Николаева дня.

Долгъ всякаго человѣка, уважающаго себя и свое достоинство какъ человѣка, обличать всякую неправду, гдѣ бы онъ ее ни находилъ, а въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о цѣлости установленій нашей Церкви, о сохраненіи ея достоинства.

Но чтѣ же дѣлать?

Въ „Мнѣніи митрополита Московскаго Филарета о театральнхъ зрѣлищахъ въ недѣлю Пасхи“ мы находимъ слѣдующія слова:

„Въ книгѣ апостольскихъ и церковныхъ правилъ, изъ правилъ 7-мъ Карфагенскаго собора сказано: *„Подобаетъ прощити (христіанскихъ царей) такожде и о семъ: да воспретитися представленіе погорлицкихъ циръ въ день воскресный и въ прочіе дни святыхъ христіанскія оубрѣ“* (См. Душеп. Чт. 1870. Апрель).

Тоже бы слѣдовало сдѣлать и теперь.

Заключивъ письмо свое вышесказанной статьи В. Пивницкаго: „О храненіи древнихъ благочестивыхъ обычаевъ“ (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1891, № 4):

„Вотъ близкіе наши устроятъ свѣтскія забавы вождь праздни и воскресные дни... Не будемъ раздѣлять этихъ забавъ, хотя бы по ния дружбы насъ приглашали на нихъ. Если сдѣлаетъ такъ одинъ, другой, третій — уже это что-нибудь значить. Соблазну полагается нѣкоторая претрада, и примѣръ одинъ“

можетъ вызвать подражаніе въ другихъ. Но кромѣ примѣра, мы можемъ дѣйствовать на своихъ братій своимъ нравственнымъ вліяніемъ, совѣтами, дружескими представленіями, убѣжденіями къ ближнимъ нашимъ, связаннымъ съ нами какими-либо узами, а тѣмъ болѣе къ подчиненнымъ намъ въ семейномъ или общественномъ кругу" (Стр. 638).

Надѣюсь, Милостивый Государь, что вы не откажете дать мѣсто этому моему письму въ вашей газетѣ.

Вопросъ, стоитъ, кажется, того, чтобы на него обратить особенное вниманіе, ибо никто не станетъ спорить противъ того, что всякія увеселенія вечеромъ наканунѣ праздничныхъ дней составляютъ прямое нарушеніе заповѣди Божіей.

Примите и пр.

(*Моск. Вѣд.* 1891, № 335).

